

Институт философии РАН

**О добросовестности
в научных исследованиях**

Материалы круглого стола

31 марта 2015 года

Москва 2018

ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ
РАН

О добросовестности в научных исследованиях

Материалы круглого стола

**31 марта 2015 года
Институт философии РАН**

Москва 2018

ББК 87.7
О11

Рецензенты:

И. А. Асеева, доктор философских наук
Я. И. Свирский, доктор философских наук

О11 **О добросовестности в научных исследованиях** : Материалы круглого стола (31 марта 2015 г., Институт философии РАН) / Под ред. Е. Г. Гребенщиковой, П. Д. Тищенко. — М. : Издательство «Социум». — 88 с.

ISBN 978-5-6040523-4-1

Рассматривается комплекс причин, последствий и возможных действий научного сообщества в ответ на нарушение отдельными учеными норм и принципов этики в науке. Представлены дополнительные материалы по проблемам добросовестного проведения исследований. Для студентов, аспирантов и ученых всех специальностей.

ББК 87.7

ISBN 978-5-6040523-4-1

© Авторы, 2018

Проблема добросовестности в науке

Введение

Решение проблемы добросовестности научных исследований является решающим фактором, обеспечивающим доверие общества к науке, понимание необходимости научных исследований, их пользы для отдельных граждан и общества в целом. Жесткое обеспечение принципов добросовестности, непримиримая борьба с плагиатом, фальсификациями и фабрикациями научных данных, конечно же, не решат всех проблем развития науки в нашей стране, но будут способствовать формированию здоровой, требовательной к качеству научных результатов социальной среды, необходимой для этого развития.

Наука, как и любой социальный институт, подвержена различным формам коррупции. На протяжении веков время от времени отмечались случаи плагиата, фабрикаций и фальсификаций научных данных. В истории науки зафиксировано немало эпизодов, когда исследователи шли на обман, подтасовку данных. Пренебрежение нормами научной добросовестности чревато негативными последствиями как для самого нарушителя, так и для научного сообщества. Нарушитель — в случае, если его проступок будет обнаружен, — может подвергнуться санкциям со стороны коллег. Что касается сообщества, то подтасованные или сфальсифицированные данные могут, если на них будут опираться в своих исследованиях коллеги нарушителя, породить целую цепь недостоверных результатов. Впрочем, в той мере, в какой эти негативные последствия не выходят за пределы науки, можно рассчитывать на то, что действующие внутри нее механизмы самокоррекции позволят достаточно быстро преодолеть эти последствия.

Длительное время традиционно сложившиеся внутринаучные практики самоконтроля позволяли более или менее надежно отсеивать недостоверные результаты, решать проблемы приоритета и авторства. Ситуация начала меняться во второй половине прошлого века, когда случаи мошенничества начали множиться и стало очевидно, что внутринаучных механизмов уже недостаточно.

Причин для таких изменений, касающихся всех стран, много, но можно отметить две решающие. Во-первых, это широкое распространение формальных критериев оценки научной деятельности, которые вынуждают ученых размножать свои публикации в погоне за числом, игнорируя оригинальность и содержание. Во-вторых, компьютерные технологии резко облегчили процедуры противоправного заимствования научных данных, а также неправомерных манипуляций с ними.

Вероятно впервые предметом особого, научного внимания (прежде всего со стороны социологов науки) проблема честности, добросовестности при проведении исследований и публикации их результатов (*scientific integrity*) стала в первой половине XX века в связи с грубейшими нарушениями принципов этики и научности в Германии и Советском Союзе. В Германии односторонне истолкованные, нередко фальсифицированные и сфабрикованные генетические, антропологические, археологические, биологические и другие знания использовались для обоснования варварской политики, направленной на истребление «неполноценных» народов (славян, евреев, цыган и др.) и заселение очищенных территорий представителями «арийской расы». В Советском Союзе насаждение властью слабо научно обоснованных идей «мичуринской биологии», как единственно истинного направления «пролетарской науки», привело к разгрому «буржуазной» генетики, что затормозило развитие отечественной науки (биологии и медицины) на несколько десятилетий. В обоснование своих «достижений» лысенковцы также широко практиковали фальсификацию и фабрикацию научных данных. И в том, и в другом случае вторжение политической власти в жизнедеятельность научного сообщества, поддержанное частью ученых, стало причиной глубокой коррупции научных знаний, разрушения механизмов обеспечения автономии науки, ослабления деятельности научных институтов, снижения уровня доверия общества к ученым как ответственным социальным субъектам.

Пионером в исследовании нормативных оснований науки, которые обеспечивают выполнение главной цели научных исследований — получение достоверных знаний, стал американский социолог Роберт Мертон. В своих работах 1930–1940-х годов он изучал влия-

ние политических идеологий на добротность научных исследований и сформулировал несколько принципов, которые, с его точки зрения, призваны обеспечить объективность науки⁴:

1. *Принцип коммунизма (коллективизма)* — знания как результат научной деятельности являются общественным достоянием. Любое научное знание строится на результатах предшествующих исследований. Поэтому ученый должен себя осознавать в качестве члена научного сообщества, который лишь в сотрудничестве с другими способен реализовать свое предназначение. Его долг — бескорыстно делиться научными результатами с другими учеными, публиковать их в открытой печати.

2. *Принцип универсализма* — значимость научных достижений ученого должна строиться исключительно на их объективной оценке, игнорируя его национальность, принадлежность к тому или иному исследовательскому институту, личные качества, религиозные или политические убеждения. Не может быть никакой «пролетарской», «еврейской», «буржуазной» или «арийской» науки. Наука по своей сути одна.

3. *Принцип незаинтересованности (бескорыстности)* — научные исследования должны быть мотивированы только стремлением достижения истины. Необходимо исключить все внеученные интересы — экономические, политические, религиозные и т. п.

4. *Принцип организованного скептицизма* — исследователи обязаны быть критичными не только к результатам чужих работ, но и своих собственных. Только на основе систематически осуществляемой критики научные идеи избавляются от ошибок и приближаются к истине. Долг ученого постоянно подвергать сомнению полученные результаты.

В совокупности эти принципы образуют по Р. Мертону «этнос науки». Слово «этнос» подчеркивает то обстоятельство, что эти принципы являются одновременно *этическими нормами* самосовершенствования ученого, регуляторами исполнения его профессионального долга и *методологическими (техническими) правилами*, обеспечивающими объективность и достоверность знаний. «Они одновременно

⁴ Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / N. W. Storer (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 268–269.

и моральные нормы, и технические предписания»^{*}. С точки зрения Мертона, наука может выполнять свой долг только будучи автономной социальной системой, защищенной от пагубного влияния политических и государственных институтов.

За прошедшие десятилетия идея этоса науки, выдвинутая Мертоном, подверглась серьезной критике и уточнениям. Однако можно сказать, что до сих пор она играет важную регулятивную роль и поэтому будет использоваться нами как своеобразная «точка отсчета» для понимания проблем добросовестности современных научных исследований, которые сопрягают как моральные, так и технические условия получения достоверных научных знаний. Так же важно, особенно когда речь идет об отечественной науке, понимание Мертоном того обстоятельства, что преодоление кризиса научных механизмов самоочищения (саморегуляции) от плагиата, фальсификаций, фабрикаций и других проявлений недобросовестности (research misconduct), невозможно *без защиты и укрепления автономии науки* как социального института, политического и экономического обеспечения ее определенной независимости и самоорганизации. Вторым, не менее важным, условием мы (в дополнение к первому, по Мертону) считаем развитие современных эффективных процедур этико-правовой *ответственности* (responsibility) ученых перед обществом (выполнение этико-правовых международных и национальных стандартов исследований на людях и животных), публикация результатов, а также адекватные процедуры *подотчетности* (accountability) за используемые общественные ресурсы^{**}.

Как уже отмечалось, проблема честности в исследованиях существует столько же, сколько существует сама наука. В последние десятилетия (речь обычно идет о последней четверти XX и начале XXI века) ситуация быстро и резко меняется, поскольку вопрос о достоверности научных знаний или о добросовестности исследователей становится жизненно важным не только с внутринаучной

точки зрения, но и для всего общества в целом. В своих взаимоотношениях с обществом наука начинает выполнять все более широкий круг функций. Поэтому в дальнейшем речь пойдет не только о моральной ответственности исследователей перед своими коллегами, т. е. об их профессиональной ответственности, но и об ответственности перед обществом, т. е. о социальной ответственности.

Предлагаемая вниманию читателя публикация стенограммы круглого стола, прошедшего в Институте философии РАН 31 марта 2015 года, призвана способствовать углублению профессионального и общественного обсуждения проблем добросовестности в нашей науке.

П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин

^{*} Merton R. Op. cit. P. 270.

^{**} Многие исследователи проблем добросовестности в научных исследованиях указывают на негативное влияние административного прессинга отчетности, нередко сводящейся к количественным показателям опубликованных статей.

О добросовестности в научных исследованиях

Круглый стол
31 марта 2015 года
Институт философии РАН

Ведущий:

Юдин Борис Григорьевич, доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Участники:

Апресян Рубен Грантович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором этики Института философии РАН.

Аршинов Владимир Иванович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Буданов Владимир Григорьевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Власов Василий Викторович, доктор медицинских наук, профессор НИУ ВШЭ, президент Общества специалистов доказательной медицины.

Гельфанд Михаил Сергеевич, доктор биологических наук, профессор, член Academia Europaea, заместитель главного редактора газеты «Троицкий вариант — наука», со-основатель сообщества «Диссернет».

Горохов Виталий Георгиевич, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН.

Касавин Илья Теодорович, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН.

Киселева Марина Сергеевна, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН.

Киященко Лариса Павловна, доктор философских наук, заместитель начальника Управления общественных наук РГНФ, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Лекторский Владислав Александрович, доктор философских наук, профессор, академик РАН, заведующий сектором теории познания Института философии РАН.

Пилюгина Маргарита Алексеевна, старший лаборант кафедры истории и философии науки Института философии РАН.

Савенко Юрий Сергеевич, кандидат медицинских наук, профессор, президент Независимой психиатрической ассоциации России, член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в России, главный редактор «Независимого психиатрического журнала».

Тирас Харлампий Пантелеевич, кандидат биологических наук, проректор ПушГЕНИ.

Тищенко Павел Дмитриевич, доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Вступительное слово

Б. Г. Юдин

Проблема добросовестного проведения исследований приобретает сегодня особую актуальность; эта актуальность является одним из следствий того, что результаты научных исследований занимают все более заметное место в самых разных сферах жизни человека и общества. Традиционно наука рассматривалась как самокорректирующаяся система: считалось, что нарушения, допущенные тем или иным исследователем, достаточно быстро будут выявлены его коллегами. А это значит, что они не принесут большого вреда науке, — неприятности постигнут главным образом самого нарушителя.

В наши дни ситуация изменилась, и одна из причин этого то, что результаты исследований все чаще начинают восприниматься обществом и так или иначе воздействовать на него еще до того, как будут проверены научным сообществом. Первой жертвой недобросовестного проведения исследований является сама наука, которая перестает выполнять свою основную миссию получения достоверных научных знаний и, с неизбежностью, теряет доверие общества. Среди других жертв недобросовестной науки — все те, кто выступают в качестве потребителей или пациентов (коль скоро речь идет о биомедицинских исследованиях, например об испытании лекарственных препаратов) новых технологических продуктов и процессов, широкие круги общественности, теряющие надежную ориентацию в мире и становящиеся жертвой мистицизма и мракобесия всевозможных сортов, а также политические деятели, которым приходится действовать на основе недостоверной информации и необоснованных рекомендаций.

В 80–90-е годы прошлого века проблема добросовестности исследований становится предметом озабоченности как мирового научного сообщества, так и более широких кругов общественности. Тревогу вызывает лавинообразный рост обнаруженных случаев плагиата, фальсификаций и фабрикаций научных результатов. При этом достаточно скоро выяснилось, что традиционные механизмы борьбы с исследовательской недобросовестностью далеко не всегда оказываются эффективными, что подчас и коллеги исследователя, допу-

скающего нарушения, и учреждение, в котором он работает, склонны «не замечать» такие нарушения. В силу этого обстоятельства даже выявление случаев недобросовестного проведения исследований представляется непростой задачей, для решения которой необходимы серьезные целенаправленные усилия. В этой связи во многих странах формируются государственные и общественные структуры, призванные реагировать на такого рода случаи. Что касается встречающихся в литературе оценок распространенности недобросовестного поведения, то для них характерен чрезвычайный разброс.

Очевидно, нарушения норм добросовестного проведения исследований могут иметь более или менее серьезный характер. Наиболее грубыми считаются такие формы недобросовестности, как фальсификация исследовательских данных, их фабрикация (мошенничество) и плагиат. Наряду с этим выделяют сомнительные исследовательские практики (к их числу относят погрешности при статистической обработке данных, неправильное указание соавторства, автоплагиат, «салями-слайсинг» и др.) — нарушения менее серьезные, которые в каких-то конкретных случаях считаются допустимыми.

Деятельность по борьбе с недобросовестным поведением исследователей осуществляется в современной международной научной практике по нескольким направлениям. Она включает:

- проведение разбирательств по случаям недобросовестного проведения исследований и наказание уличенных в нарушениях;
- защита ученых, разоблачающих факты недобросовестного проведения научных исследований, — «свистунов» (whistleblowers);
- создание учебных программ по ответственному проведению исследований и проведение обязательных тренингов для исследователей;
- проведение проверочных исследований;
- изъятие из журнальных архивов статей, написанных по результатам недобросовестных исследований, а также публикаций по результатам исследований, опирающихся на эти данные; информирование о подобных фактах исследовательских организаций, в которых эти исследования были осуществлены, а также фондов или иных спонсировавших этих ученых организаций.

В рамках круглого стола предполагается обсудить следующие вопросы:

- Насколько, по Вашей оценке, распространены сегодня различные формы недобросовестного поведения исследователей в той области знаний, которой Вы занимаетесь?
- Считаете ли Вы, что распространение таких явлений наносит урон науке? Если да, то в чем этот урон выражается?
- Каким образом можно было бы выявлять и фиксировать случаи недобросовестного поведения исследователей?
- В чем Вы видите причины распространения практик недобросовестного поведения исследователей в современной науке?
- На ком лежит основная доля ответственности за обеспечение добросовестного проведения исследований: на самих исследователях, на администрации научных учреждений, на ученых советах и иных структурах самоорганизации научного сообщества, на редакторах научных журналов, на органах государственной власти, принимающих решения по проблемам развития науки?
- Какие меры, по Вашему мнению, необходимо предпринимать для того, чтобы минимизировать недобросовестность при проведении исследований и публикации их результатов?
- Считаете ли Вы целесообразным введение обязательных курсов (тренингов) по добросовестному проведению исследований для студентов, аспирантов и (или) начинающих исследователей?

Выступления участников

Юдин Б. Г.: Начну с того, что проблематика добросовестности в исследованиях по-английски обозначается как *research integrity*. Когда мы начали ею заниматься, возник вопрос о том, как переводить этот термин на русский язык. Дело в том, что на русский, в зависимости от контекста, *integrity* переводится, с одной стороны, как «целостность», а с другой — как «честность», «добросовестность». Английский же термин включает в себе оба этих смысла, так что по сути дела добросовестность выступает не просто как один из предикатов исследовательской деятельности, обозначающий ее моральный аспект, а как ее интегральная характеристика. Таким образом, эта деятельность попросту не может квалифицироваться как подлинно исследовательская, если она не проводится добросовестно.

Проблематика добросовестности в исследованиях приобрела сегодня чрезвычайную актуальность, что связано с некоторыми важными особенностями того, как развивается современная наука и как она живет в обществе. Традиционно считалось, что вообще-то наука — это самокорректирующаяся система, которая самостоятельно нейтрализует негативные эффекты от недобросовестного поведения исследователей. Если кто-либо из исследователей отступает от норм добросовестности, допускает те или иные нарушения, скажем, фальсифицирует полученные им данные, то это рано или поздно вскроется, и неприятности — в виде, например, отвержения со стороны научного сообщества — постигнут в первую очередь самого нарушителя. История науки знает немало примеров подобного рода. Конечно, такого рода разоблачения случались далеко не всегда и отнюдь не мгновенно, но принято было считать, что подобного рода механизмы позволяют сообществу контролировать добросовестное поведение своих членов.

Сегодня, однако, выясняется, что такого рода контроль, осуществляемый изнутри научного сообщества, очень часто не срабатывает. Вообще-то говоря, соотношение внутреннего и внешнего контроля — большая тема для этой области. С одной стороны, внутренний контроль часто не срабатывает, но, с другой стороны, делегирование

этих функций внешнему контролю, вполне понятно, чревато такими издержками, как некомпетентность, бюрократизация, формализм и тому подобное.

Тем не менее движение за добросовестное (или, как нередко говорят, ответственное) проведение исследований во многом было инициировано извне научного сообщества, когда выяснилось, что в современном мире недобросовестные исследования наносят урон не только самой науке, но и многим другим заинтересованным сторонам.

Волна обеспокоенности этой проблематикой впервые поднялась где-то в начале 80-х годов прошлого столетия, когда в Соединенных Штатах было выявлено сразу несколько фальсифицированных исследований, и поднялся большой шум. И тогда федеральные власти решили, что необходимо предпринять какие-то шаги и выработать политику, которая могла бы что-то противопоставить распространению недобросовестных исследовательских практик.

Примерно через полтора десятилетия эта волна достигла Европы, и уже Европейское сообщество всерьез занялось проблемой добросовестности в исследованиях. Оно, в частности, выпустило несколько докладов по этой тематике, в которых, помимо всего прочего, говорилось о том, кто является жертвами недобросовестно проведенных исследований. Первой их жертвой оказывается сама наука, которая перестает выполнять свою основную миссию получения достоверных и обоснованных знаний. Вследствие этого она с неизбежностью теряет доверие общества, а значит, второй жертвой становится общество, которое утрачивает доверие к науке. Следующей жертвой — это прежде всего относится к биомедицинским исследованиям — оказываются те пациенты, которые либо сами участвуют в недобросовестном исследовании в качестве испытуемых, либо становятся потребителями препаратов, которые получили дорогу на рынок в результате недобросовестно проведенных исследований. Еще одна жертва — это политики, которым приходится принимать решения на основе недостоверной информации и необоснованных рекомендаций.

О том, насколько остро стоит эта тематика, можно судить на таком примере: в одном из недавних номеров *Science* была опубликована статья главного редактора Марсии Макнатт^{*}, в которой она приводит два свежих факта недобросовестного проведения исследований, спровоцированного действиями политиков или тех, кто распоряжается серьезными финансами. Она пишет, что за период с 2008 года в штате Оклахома было зафиксировано 300-кратное (!) возрастание количества землетрясений. Здесь имеются в виду не такие масштабные землетрясения, о которых потом вспоминают многие годы или даже десятилетия, а гораздо более мелкие. Макнатт отмечает, что Оклахома стала столицей землетрясений в США. Естественно, начали задумываться о причинах такого явления, и наиболее правдоподобной оказалась версия, согласно которой в Оклахоме много занимаются добычей нефти и газа, что приводит к образованию полостей, провоцирующих столь резкое возрастание геологической активности. А потом состоялась встреча работников геологической службы и главного сейсмолога штата с нефтяным олигархом Харалдом Хэммом (*Harold Hamm*), и после этой встречи выяснилось, что геологическая служба штата не намерена связывать повышенную сейсмичность с деятельностью человека по добыче нефти и газа. Таким образом, Хэмм, у которого есть вполне конкретные и серьезные финансовые интересы и который, между прочим, сам финансово поддерживает геологическую службу штата, провоцирует отказ от добросовестной информации о результатах исследований.

Второй пример, который приводит Марсия Макнатт: работники Департамента защиты окружающей среды в штате Флорида общаются об осуществляемой их руководством неписаной политике, которая запрещает им употреблять в коммуникациях (не только с прессой, но и с коллегами) такие термины, как «изменение климата», «глобальное потепление» и «устойчивость». Эти запреты были введены после того, как губернатором штата стал Рик Скотт (*Rick Scott*), который является противником гипотезы об изменении климата. В результате зафиксировано резкое снижение количества публикаций, исходящих от этой службы, как и резкое уменьшение частоты употребления названных терминов.

^{*} *McNutt M. Integrity — not just a federal issue // Science. 2015. 27 March. Vol. 347. No. 6229. P. 1397.*

Теперь я хотел бы отметить, что после того, как в начале 80-х годов впервые всерьез задумались об этой проблеме, стали формироваться сначала в США, а потом и в других странах структуры и службы, призванные бороться за добросовестность в исследованиях. В США это Office of Research Integrity (ORI) — правительственная структура, которая подчиняется Министерству здравоохранения. В Великобритании существует структура с таким же названием — Office of Research Integrity, но в Великобритании в подобных ситуациях чаще создают негосударственные (хотя и весьма влиятельные) общественные службы, именно таковым и является этот офис. В ФРГ тоже действует подобная структура — в стране есть служба омбудсменов, которые, помимо всего прочего, призваны защищать права так называемых whistleblowers — этот термин я перевожу словом «свистуны», — то есть тех, кто сообщает о недобросовестном проведении исследований. На самом деле выявлять случаи недобросовестного проведения исследований бывает очень трудно, и «свистуны» — это один из каналов, может быть основной канал, из которого приходит информация о такого рода случаях.

В разных странах пытались и пытаются строить оценки распространенности безответственного поведения исследователей, эти оценки, естественно, очень сильно расходятся в зависимости от применяемых методов. В США один из опросов, проводившихся среди начинающих и более опытных исследователей, показал, что каждый третий опрошенный признал, что за предыдущие три года у него были достаточно серьезные случаи недобросовестного проведения исследований. Еврокомиссия, опираясь на оценки экспертов, пришла к выводу, что недобросовестными бывают от 0,1 до 0,3% исследований. Если сопоставить эти оценки с общим количеством исследователей, работающих в странах Европейского Союза (порядка 1,2 миллиона), то получается, что количество недобросовестных исследователей составляет от 1200 до 3600 человек.

Вообще, повторю еще раз, проблема выявления и оценки чрезвычайно сложна, и для ее решения предстоит сделать очень многое. Единственная область, которая в этом смысле оказалась более продвинутой — выявление плагиата. Для этой области разработаны достаточно надежные методы оценки. Так вот, по данным США, по-

рядка 80% исследовательской недобросовестности связано с плагиатом. Столь высокая цифра, очевидно, получается в значительной мере благодаря тому, что плагиат легче выявить, чем другие формы нарушений.

Если говорить о формах недобросовестного проведения исследований в целом, то принято выделять три основных. Их обозначают как FFP (фальсификация, фабрикация и плагиат). Как они определяются? Попробуем сопоставить определения, которые даются в США и в Еврокомиссии.

Фальсификация — это манипулирование исследовательскими материалами, оборудованием или процессами, либо изменение или невключение данных или результатов, вследствие чего искажаются материалы исследования. Такое определение дает американский ORI. А по определению Еврокомиссии фальсификация — это манипулирование данными исследований или невключение критических данных и результатов.

Далее, фабрикация — или подлог, или мошенничество, — это по определению ORI, выдумывание данных или результатов и запись их в сообщениях. Что касается Еврокомиссии, то в ее докладе фабрикация определяется так: «умышленная фальсификация исследовательских данных и результатов в записях и в сообщении о них в журнальной статье». Получается не очень удачно: фабрикация определяется через фальсификацию.

Наконец, плагиат — это, по определению американцев, «присвоение идей, процессов, результатов или слов другого лица без указания соответствующих заслуг этого лица». А по определению Еврокомиссии это «несанкционированное использование или близкое к тексту воспроизведение языка и мыслей другого автора и представление их в качестве собственной оригинальной работы».

Таковы три основных прегрешения, на которые прежде всего направлено острое борьбы за добросовестность в исследованиях. Но наряду с этим существует также очень широкое понятие спорных — или сомнительных — исследовательских практик. В каких-то случаях использование подобных практик признается отступлением от стандартов добросовестности, в каких-то считается терпимым.

Особенно распространенной сомнительной практикой являются погрешности при статистической обработке данных. Дальше, довольно много проблем связано с указанием соавторства. Сегодня эта проблематика получила довольно основательную проработку, создано нечто вроде регламентов, позволяющих оценить и квалифицировать вклад каждого из причастных к данному исследованию. В зависимости от сделанного кого-то из них можно (или нужно) включать в число соавторов, а какой-то вклад может (или должен) быть оценен выражением благодарности.

Еще одна спорная исследовательская практика — это автоплагиат, когда исследователь вставляет в нынешнюю публикацию те или иные разделы, части из своих предыдущих публикаций. Эта практика в каких-то ситуациях может считаться приемлемой, а в каких-то нет. Это может зависеть от области знания, от особенностей национальной исследовательской культуры и так далее. Еще одна сомнительная практика получила название «салями-слайсинг» — изначально термин относится к колбасной нарезке. Имеется в виду, что результат проведенного исследования не целиком публикуется в одной статье, а нарезается тонкими слоями, каждый из которых становится отдельной публикацией.

Отдельная тема, которой я уже отчасти касался, — это формы борьбы с недобросовестным проведением исследований. Одна из таких форм — проведение расследований, разбирательств относительно конкретных случаев недобросовестного проведения исследований и наказание уличенных в нарушениях. В США заведен такой порядок: в каждом научно-исследовательском учреждении есть комиссия, уполномоченная проводить расследования. Где-то она называется «этической», где-то она может называться иначе, но занимается именно этим. Когда несколько лет назад разгорелся скандал по поводу того, что специалисты в области климатологии якобы скрывали какие-то исследовательские данные с тем, чтобы преувеличивать угрозу глобального изменения климата, то в Пенсильванском университете такая комиссия провела расследование, поскольку среди подозреваемых оказалось несколько исследователей из этого университета. Однако комиссия, которая расследовала эти обвинения, пришла к выводу, что исследователи вели себя вполне добросовестно.

Еще одна форма борьбы за ответственное проведение исследований, о которой я уже немного говорил, — это защита тех, кто разоблачает факты недобросовестного проведения научных исследований, защита «свистунов». Проблема очень непростая, потому что не только в нашей российской культуре, но и в других культурах далеко не все принимают на ура тех, кто, что называется, выносит сор из избы. И человеку надо на это отважиться, и, в общем, действительно, немало случаев было, когда ему за это приходилось претерпевать очень серьезные неприятности.

Немало внимания уделяется созданию учебных программ по ответственному проведению исследований и организации обязательных тренингов для исследователей. Зачастую это программы дистанционного тренинга. В Национальных институтах здоровья — а это главная структура, финансирующая биомедицинские исследования в США, и не только в США, но практически по всему миру, — в последние годы введена соответствующая обязательная норма. Суть ее в том, что если некто хочет получить грант на проведение исследования, то прежде он должен получить сертификат, свидетельствующий о прохождении подготовки в области добросовестного проведения исследований.

Важная сфера усилий по поддержке научной добросовестности — это проведение проверочных исследований, когда приходится повторять исследование, которое было проведено раньше. Такие проверки вещь очень дорогая и затратная. У меня есть данные, согласно которым затраты на проведение одного проверочного исследования составляют порядка 500 тысяч долларов⁷. Джеймс Хикс, автор, который об этом писал, говорит, что для проверки всех исследований, на которые поступали жалобы относительно их недобросовестного проведения, потребовалось бы порядка 150 миллионов долларов.

Следующая мера — это изъятие из журнальных архивов статей, написанных по результатам недобросовестных исследований, а также тех публикаций, в которых были ссылки на изымаемые статьи. Такие случаи бывают все чаще: появилась статья, потом, через несколько лет — может, конечно, и быстрее, но в принципе здесь нет

⁷ Hicks J. Opinion: ethics training in science // The Scientist. 2013. 14 May.

какого-то жесткого срока давности — приходится ее изымать, и она уходит из оборота, и даже уходят из оборота те статьи, которые на нее ссылались.

Ну и есть, наконец, еще одна форма, это информирование о подобных фактах исследовательских организаций, в которых были проведены недобросовестные исследования, а также фондов или иных спонсировавших их организаций. Эта мера очень жесткая: провинившемуся будет трудно или просто невозможно получить в будущем поддержку, а следовательно, и саму возможность проведения исследований.

Теперь несколько слов о международном научном сотрудничестве в обеспечении добросовестного проведения исследований. В 2007 году была первая всемирная конференция по research integrity, которая проходила в Лиссабоне. Потом, в 2010-м, была вторая конференция, которая проходила в Сингапуре, на ней было принято Сингапурское заявление о добросовестности в исследованиях. В 2013 году третья конференция проходила в Монреале, в Канаде, а в конце мая — начале июня этого года (2015. — *Прим. ред.*) в Рио-де-Жанейро, в Бразилии, прошла уже 4-я конференция. Тема этой конференции формулируется примерно так: как улучшить функционирование систем, призванных поощрять ответственное проведение исследований.

Заканчивая, я хотел бы сказать о том, что в сегодняшней России меня вдохновляет деятельность сообщества, которое принято обозначать как «Диссернет». Я считаю ее очень успешной. Одно время мне казалось, что у нас невозможно сделать ничего, но оказывается, что-то все же сделать удастся, если за это как следует взяться. Эти успехи, достижения «Диссернета» даются отнюдь не легко. Но тем не менее я считаю, что весомые результаты «Диссернета» налицо, так что можно надеяться и пытаться что-то сделать, чтобы и эта, на мой взгляд более широкая проблематика добросовестного проведения исследований, перестала быть в нашей стране чем-то совсем уж диковинным, а превратилась в достаточно распространенную, вполне принятую повседневную практику. Было бы особенно важным, чтобы Российская академия наук выступила в этой сфере в качестве авторитетного лидера. Ведь, по сути, речь идет о деятельности по поддержанию, сохранению ключевых ценностей науки.

Юдин Б. Г.: Слово предоставляется академику Владиславу Александровичу Лекторскому, Институт философии РАН.

Лекторский В. А.: Проблемы, о которых говорил Борис Григорьевич, конечно, исключительно важны. И здесь нужно продумать какие-то конкретные практические меры. Но я хочу обратить внимание участников нашего совещания на то, что обсуждаемая проблема является более глубокой, чем представляется на первый взгляд. Я стал думать о том, почему недобросовестность в науке получила сегодня такое большое распространение. Что касается нашей страны, то у нас недобросовестности полно на каждом шагу, и нас это даже не очень удивляет. Поэтому можно было бы подумать, что недобросовестность в российской науке — это просто часть нашего повального очковтирательства и жульничества. Но почему сегодня научная недобросовестность — это мировой феномен? По-видимому, тут есть какие-то глубинные причины, коренящиеся в том, что происходит с наукой в современном обществе в целом.

Когда я начал размышлять на эту тему, я пришел вот к каким выводам.

Мне кажется, что обсуждаемое явление связано с серьезным изменением самого характера науки и научной деятельности в современном обществе. Когда-то наука понималась как добывание истинного знания, а последнее считалось чем-то ценным само по себе. Рациональность всегда была одной из высших ценностей европейской культуры, а тот, кто добывает знание, рассматривался как служитель истины. Можно осуществлять научную деятельность лучше или хуже (ученые бывают разные), но нельзя сознательно фальсифицировать результаты, использовать чужие идеи без ссылки на автора и так далее. Как писал Макс Вебер, «наука — это призвание». Тот, кто недобросовестен, просто исключает сам себя из рядов ученых, то есть искателей истины. В 60-е годы прошлого века известный американский социолог Роберт Мерстон сформулировал четыре характеристики научного этоса: универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм. Эти характеристики он вывел, опираясь на результаты эмпирического опроса самих ученых. Если мы посмотрим на то, как сегодня работает мировая наука, то быстро обнаружим, что многие из этих регулятивов научного этоса часто

не действуют. В чем дело? А в том, что наука все более превращается в технонауку, то есть в производство новых технологий, а последнее — это товар, который можно выгодно продать на рынке. Наука сегодня оказалась встроенной в рыночные механизмы; как хорошо известно, участники рынка заинтересованы в том, чтобы получать прибыль, а не иметь убытки. Конечно, и на рынке можно вести себя честно, но соблазн получить выгоду при помощи обмана конкурента очень велик. Сегодня наука во многом финансируется монополиями и корпорациями, и в этом случае знание, полученное с помощью науки, рассматривается как товар и как собственность того, кто финансировал производство этого товара. Но в этом случае такие фундаментальные характеристики научного этоса, как всеобщность, коллективизм и организованный скептицизм оказываются под вопросом. О какой всеобщности может идти речь, если корпорация давала деньги на те или иные научные исследования и не заинтересована (по крайней мере, до поры до времени) в том, чтобы результаты исследования и связанные с ними новые технологии стали достоянием конкурентов? Да и сами ученые, втягиваясь в рыночные отношения, начинают относиться к своей деятельности прежде всего как к получению выгод (материальных и статусных). Но если исследовательская деятельность рассматривается в рамках рыночной конкуренции, почему бы не получить выгоду путем обмана работодателей и других ученых (которые теперь рассматриваются уже не как сосоварищи по коллективному делу, а как конкуренты), например путем использования непроверенных данных или даже с помощью плагиата? Конечно, такой обман рано или поздно будет разоблачен, но, по-видимому, соблазн сиюминутной выгоды, столь характерный для рынка, все более начинает проникать и в науку. Это связано также и с современными способами оценки научного труда. Если главное в этой оценке — количество (а не качество) публикаций, то погоня за этим количеством при дефиците времени может толкать кого-то и на плагиат.

Конечно, без рыночных отношений современная экономика невозможна — хотя и рынок бывает разный. Известный французский политик Франсуа Миттеран — он одно время был президентом Франции — говорил: «Я за рыночную экономику, но не за рыночное

общество». Иными словами, есть такие сферы человеческой жизни, которые не могут регулироваться рынком. (Между прочим, один из руководителей нашего Министерства науки и образования сказал, что задача образования — это подготовка грамотных потребителей.) Если в условиях рынка по отношению к некоторым областям экономики может применяться протекционистская политика, то тем более такой протекционизм (а попросту говоря, защита) должен быть использован в отношении науки и других сфер культуры. Иначе мы вместо искусства будем иметь шоу-бизнес (когда можно, например, петь чужим голосом, и это не считается недобросовестным), а вместо науки — обслуживание экономических интересов разного рода корпораций и учреждений, а также вал публикаций, научная ценность которых может быть невелика.

Поэтому, конечно, нужно бороться с плагиатом и фальсификацией экспериментальных результатов. Это нужно и важно, ибо это борьба за сохранение традиционного научного этоса. Но, как мне представляется, глобальная задача в отношении науки сегодня — это создание условий (и роль государства в этом отношении велика) для того, чтобы наука могла успешно функционировать как саморегулирующийся механизм. Оценка научных результатов должна производиться не ФАНО, а экспертным сообществом самих ученых. Наука может и должна быть источником новых технологий, но главная ее задача — это все-таки производство новых знаний. Ученый не продавец услуг и товаров, а искатель истины. Иными словами, борьба с недобросовестностью в науке предполагает борьбу с ее коммерциализацией.

Юдин Б. Г.: Спасибо, я просто хотел бы в связи с тем, что вы сказали, Владислав Александрович, обратить внимание на такое обстоятельство: в литературе по добросовестному проведению исследований показано достаточно убедительно, что эти количественные оценки результативности научного труда являются очень часто фактором, который провоцирует, подталкивает на недобросовестность при проведении исследований. Что касается поощрения за добросовестность, то этот вопрос будет обсуждаться на конгрессе по проблемам добросовестности в науке, который пройдет в Бразилии в июне этого года.

Слово предоставляется член-корреспонденту РАН Илье Теодоровичу Касавину. Пожалуйста.

Касавин И. Т.: Уважаемые коллеги, мне очень понравился доклад Бориса Григорьевича. Он подчеркнул прикладные аспекты проблемы, а Владислав Александрович обозначил и некоторые фундаментальные. Вообще понятие так называемой «нечестной науки», то есть *fraud science*, очень популярно в западной социологии науки. Почему это так? Я хотел бы очень кратко, буквально в двух словах об этом сказать.

Можно поспорить по поводу того, что, скажем, наука прошлого — XVII, XVIII, XIX веков — была свободна от подобного рода нарушений. Иное дело, что современная наука — это очень большое предприятие, это *Big Science*, как принято говорить. И здесь массивы информации, количество людей, которые в этой науке фигурируют, несопоставимо большие. Кроме того, эти люди не проходят такого отсева на добросовестность, который проходили нововременные ученые. Сегодня высшее образование является общераспространенным. На это накладывается то обстоятельство, что наука, развиваясь как социальный институт, непрерывно продуцирует нормы своего функционирования, и в этом смысле ее деятельность все время подliegt рефлексивной оценке. Если нет норм, то нельзя определить и отклонения от нормы, но поскольку норм огромное количество, то и отклонений получается огромное количество. И наконец, третий фактор: наука существует не в вакууме, наука существует в обществе, и если в обществе распространена, например, коррупция, то очень вероятно, что в самой науке, как в социальном институте, эта коррупция тоже будет распространена. Это то, что касается основных факторов, которые детерминируют возникновение этой проблемы.

А теперь немножко о другом. Я столкнулся с тем, что понятие добросовестности в науке производно от понятия добросовестности вообще. И, как пишут юристы, по крайней мере с этим понятием далеко не все в порядке. Оно возникло, как известно, в рамках римского права — *bona fides*, — но немедленно продемонстрировало свой парадоксальный характер. Дело в том, что, возникнув в рамках права, это понятие оказалось очень сильно морально нагруженным. И, соответственно, стало выполнять довольно странную функцию.

По этому поводу уже в развитой юридической науке в XIX, XX веках развернулись довольно большие дискуссии, которые очень грубо можно суммировать, разграничив два подхода к определению того, что есть добросовестность. С одной стороны, добросовестность понималась как некоторая позитивная моральная оценка, заполняющая люфт между правовыми нормами по усмотрению суда. Речь идет о том, что каждый человек рассматривался как существо, заслуживающее доверия, и поэтому, даже если он при осуществлении своей деятельности допускает небольшое нарушение, ему это как бы можно простить, хотя формально он нарушил некую норму.

Например, продавец обязался поставить покупателю 3000 кафельных плиток; покупатель получает груз, начинает пересчитывать, там в наличии 2999, он отказывается, пишет рекламацию. Продавец в недоумении, а покупатель продолжает качать свои права и говорит: «Ты нарушил договор, из-за тебя у меня масса проблем, ты мне должен за все заплатить». Помимо всего прочего направляет дело в суд. Судья смотрит и говорит: «Нет, это все не так, никакого ущерба покупатель не потерпел, в особенности если бы он сразу принял эти плитки и начал бы работать, ну одну бы довезли, никакой трагедии, это добросовестный поставщик. И поэтому к нему не надо применять никакие санкции».

Второй пример, когда добросовестность понимается, как некоторое «извинительное незнание». То есть в первом случае речь идет о добросовестности как позитивной моральной оценке, а во втором случае — о добросовестности как негативной эпистемической оценке, то есть добросовестность — это некоторое незнание, но заслуживающее извинения. Мы знаем понятие добросовестного предпринимателя или приобретателя. Например, человек покупает квартиру, не зная о том, что она предыдущим владельцем получена незаконным путем. В таком случае он добросовестный покупатель, и к нему тоже не предъявляется никаких санкций, квартира остается в его собственности, несмотря на то, что истоки этой квартиры, может быть, и криминальные.

О последнем значении добросовестности очень интересно писал Лев Петражицкий, известный польский юрист. Так вот, учитывая недоопределенность понятия добросовестности, я считаю, что здесь

есть такая первая проблема: мы не можем это понятие вот так просто взять и использовать в качестве некоторого обыденного понятия, его нужно концептуально оформить. Второе, что я хотел бы отметить, относится к разграничению сфер функционирования этого понятия. Здесь, по крайней мере, два аспекта: одно дело — это добросовестность в науке, в том числе и в науке как в социальном институте. А другое дело, это такая добросовестность, которая фигурирует во взаимоотношении науки, общества и государства. На мой взгляд, это вещи разные, я продемонстрирую это небольшими примерами. В первом случае под добросовестностью можно понимать некоторый, как уже здесь было упомянуто, кодекс научной честности — по выражению Лакатоса, этический кодекс науки. И разъяснить этот термин добросовестности можно с помощью других терминов, которые имеют широкое использование. Это такие термины, как «обоснованность», «доказанность», «эмпирическая проверяемость». Затем, «новизна», «личное авторство», «научная скромность», которая подразумевает, скажем, минимизацию самоцитирования, самопиара, самокритичность, готовность к участию в экспертизе и так далее, список здесь не закрыт.

Примером функционирования добросовестности в рамках научного сообщества может служить даже не сама научная деятельность, а публикации результатов этой деятельности, к этому тоже относится понятие добросовестности. Мы знаем, что сейчас очень важно всем российским ученым публиковаться в журналах, входящих в различные российские и международные рейтинги. Соответственно, в России возникло много журналов, которые уже входят в некоторые рейтинги и хотят войти в другие и так далее. Но обнаруживается забавная тенденция: многие авторы избегают публикаций в таких журналах, потому что по крайней мере в некоторых из этих журналов идет довольно серьезная экспертиза — double blind peer review. Она предусматривает, что два рецензента анонимно рецензируют статью, потом это обсуждается на редколлегии, и, вообще говоря, это неприятно, можно понять этих людей: твою статью берут, обсуждают, вообще обращаются с ней невежливо, а потом еще могут не взять. В конце концов, все это становится достоянием гласности. Люди избегают таких журналов, они начинают публиковать-

ся в журналах, которые не предъявляют таких жестких требований. У этих журналов, соответственно, все количественные показатели растут экспоненциально, а у тех падают. Ну, соответственно, вот такая странная ситуация возникает. Я бы сказал, что в качестве практического предложения может прозвучать следующее. Если мы рассматриваем научные отчеты каких-то исследовательских или учебных заведений, то акцент должен делаться, конечно, на публикации именно в таких журналах, которые не только формально являются рецензируемыми, но и о которых экспертному сообществу известно, что там де-факто такая экспертиза проходит.

И, вообще говоря, когда проходит редколлегия журнала, то об этом известно, это публичное мероприятие, и, в крайнем случае, туда можно и зайти — и посмотреть, как это вообще организовано. Только это и будет условием качества публикаций, а соответственно, уменьшит претензии к авторам как к личностям, которые допускают ошибки или злоупотребления.

Второй вопрос — это вопрос о взаимоотношении науки, общества и государства, и здесь, как я уже сказал, понятие добросовестности тоже вполне релевантно. Дело в том, что в современной «большой науке», технонауке — как угодно ее называйте, это большое предприятие, — возникает некоторый обмен ресурсами и услугами между чиновниками от науки, бизнесменами, политиками, учеными, инженерами. И все они обмениваются тем, что у них есть: знаниями, титулами, званиями, экспертизами, деньгами, властью. И только законы о науке, продуманные, квалифицированные, могут избавить науку от злоупотребления, от искаженных отношений. И курьезом является, конечно, недавнее решение Думы по поводу того, чтобы установить срок давности на отмену научных степеней. Если установлен небольшой, даже 10-летний срок давности, то огромное количество людей может, вообще говоря, не заботиться о том, насколько они нарушали научную этику, насколько они нарушали закон при написании своих научных работ. Я считаю, это надо пересматривать, вообще думать о серьезных правовых механизмах и не надеяться, что наши неформальные усилия внутри научного сообщества по цементированию научного этоса автоматически дадут результат. Ну, вот и все, спасибо.

Гельфанд М. С.: Спасибо за предоставленное слово. Я по образованию математик, по профессии биолог, и, по-видимому, я здесь присутствую потому, что принимал участие в образовании и потом в дальнейшей работе «Диссернета». Если интересно, я про это могу рассказать отдельно, пока что я бы хотел прокомментировать как раз те высказывания, которые были сделаны. Самое последнее, про 10-летний срок. Это еще было бы хорошо, на самом деле для большинства диссертаций, защищенных в нулевые годы, установлен трехлетний срок. Это, в общем, не очень удивительно, если учесть, что как раз ровно в это время защищены списанные диссертации, по-моему, 25 депутатов Государственной Думы. Был законопроект депутата Дмитрия Гудкова об отмене срока давности на лишение ученых степеней; так вот, результаты голосования по этому законопроекту были довольно парадоксальные: практически все, кто проголосовали, это было, по-моему, 180 человек, существенно меньше половины, проголосовали «за». А фракция «Единая Россия» практически в полном составе не голосовала вообще — они не проголосовали «против», потому что было бы уж очень позорно, они просто голосование сорвали. И это показывает, каковы наши шансы на то, что этот срок будет пересмотрен, как было предложено. Никакой реальной возможности это сделать на самом деле нет. Вторая вещь, которая, по-моему, крайне существенна, пока не обсуждалась. В отличие от практики Соединенных Штатов или стран Европы, в России понятие плагиата в научных исследованиях никак не формализовано. Точнее, оно формализовано в рамках уголовного кодекса, где плагиатом называется нарушение авторских прав, повлекшее большие материальные последствия. Например, газета «Троицкий вариант» в свое время опубликовала заметку о плагиате в докторской диссертации одного потенциального доктора химических наук из Черногловки. Потом с этой дамой судились, потому что она выставила моральный ущерб в миллион рублей, потому что газета якобы обвинила ее в совершении уголовного преступления, которого она не совершала. Нам повезло, потому что у нее был плохой адвокат, а с другой стороны, попался довольно разумный судья в Ногинском городском суде, и мы отбились, но, вообще говоря, есть примеры и обратные.

Потому что когда «Новая газета» и журнал «The New Times» опубликовали заметки с неосторожным употреблением слова «плагиат» про то, как судья Гордеюк списал свою диссертацию у своего научного руководителя судьи Беспалова (соответственно, кандидатскую с докторской). Так вот оба этих замечательных издания влетели на большие иски, и «The New Times» их, по-моему, выплатил, а «Новая газета» продолжает судиться (примечание 2018 г.: Верховный суд отменил решение Басманного суда, вернул дело на новое рассмотрение в другом суде; Мытищинский городской суд отказал в иске. — М. Г.). И вот это как раз вещь, которую, вообще говоря, научное сообщество могло бы попытаться поправить, потому что надеяться, что депутаты примут закон, по которому им придется отдать свои диссертации, наивно. А вот некая формализация понятия «плагиат» в научных исследованиях именно с указанием научной специфики, могла бы разрешить это слово употреблять, потому что юристы должны ссылаться на какой-то документ. Я не очень надеюсь на то, что Российская академия наук в этом месте что-то сделает — во-первых, в силу полной импотенции нынешнего руководства, которое вообще ничего не может сделать, в том числе и этого, а во-вторых, потому, что, на самом деле, Российская академия наук к деятельности «Диссернета» относится очень настороженно. И те комментарии представителей Российской академии наук, которые я видел опубликованными, они были крайне неблагоприятными, на самом деле, причем с прямой подтасовкой действительности. Есть такой заместитель президента Российской академии наук, это невыборная должность; так вот, этот господин Иванов несколько раз объяснял, что «Диссернет» — это очень плохо, потому что формальная проверка, компьютерная, — это ерунда, а смотреть должны настоящие эксперты. Вранье в этой фразе заключается в том, что в «Диссернете», на самом деле, компьютерной проверки как таковой нет. Автоматические средства используются только для того, чтобы идентифицировать потенциальные источники. А любая проверка производится как раз живым человеком. Да, он не обязательно эксперт в узкой области этой диссертации, но для того, чтобы проверить, что есть цитаты без кавычек, проверить хронологию источников и некоторые другие существенные вещи, не надо быть узким специалистом.

Специфика плагиата в естественных науках и в медицине, которая очень существенна, состоит в том, что, как правило, плагиат в естественных науках, в медицине и еще в экономике сопровождается подлогом. Потому что, я прошу прощения за некоторую политическую некорректность, но если диссертацию по истории или по философии можно попросту списать, и даже менять ничего не надо, то, скажем, диссертация по экономике все-таки должна быть привязана к каким-то годам, смешно в 2015 году защищать диссертацию со статистическими данными 2005-го. И, как правило, люди эти цифры либо просто рисуют, или данные оставляют прежними, а меняют год. И в том, и в другом случае ясно, что это подлог, это легко определяется по разного рода арифметическим несоответствиям или, наоборот, слишком точным совпадениям. Ужасная вещь, когда такое происходит в медицинской диссертации, но я не буду перехватывать хлеб у коллег, потом добавлю, если надо будет.

И последний, пожалуй, из комментариев к тому, что произносилось. Тут неоднократно употреблялось слово «стукач», и действительно, в российской культуре оно имеет очень отрицательную коннотацию. Слово «свистун» тоже имеет, но другую. На самом деле человек-стукач — это человек, который написал донос на соседа, что тот хранит бомбу в личном сортире, его за это забрали и расстреляли, а бомбы нет. Если бомба есть, то это, на самом деле, уже вопрос тонкий, это вопрос отношений человека и государства. Я вторгаюсь не в свою область, но, с точки зрения обывателя, понятно, откуда такая коннотация берется: традиционно в России человек всю жизнь ненавидел свое государство — боялся и ненавидел. А с другой стороны, была очень сильная общинная традиция, сосед был ближе, чем пристав, и поэтому всякий, кто имел дело с государством, автоматически получал некоторый ярлык. Я не знаю про совсем далекие времена, но в советские времена это было в общем вполне оправданное отношение, да и сейчас тоже.

И когда мы говорим про науку, тут надо, действительно, придумывать новые термины. Потому что, на самом деле, сообщение о недостойных действиях члена научного сообщества с применением всех законных средств, какие есть, — это может быть публикация, это может быть заявление в ВАК о лишении ученой степени — это

не есть предательство, это есть способ борьбы за чистоту этого самого научного сообщества и того этоса, который должен его поддерживать. И я очень рекомендую присутствующим в какой-нибудь момент ознакомиться со списками экспертных советов ВАК в своих областях и посмотреть: «*Quis custodiet ipsos custodes?*» («Кто устережет самих сторожей?» — *Прим. ред.*) Среди них есть более загрязненные, менее загрязненные, в общественных дисциплинах во многих ситуациях очень плоха, а во многих хорошая; скажем, по философии экспертный совет не идеальный, но вполне приличный. Одна из оборонительных стратегий научного сообщества, которые могут быть, это использовать те формальные механизмы, которые у нас есть. У нас как у институтов есть право выдвигать кандидатов в члены экспертных советов, у нас есть право требовать отзыва недобросовестных членов экспертных советов, у нас есть право писать отзывы на диссертации и авторефераты. И сейчас это сделать стало гораздо легче, потому что все публикуется сильно заранее.

Более того, есть проект, который называется «Научный дозор», это проект Общества научных работников. Он в каком-то смысле параллелен «Диссернету», потому что «Диссернет» занимается лечением последствий, а «Научный дозор» пытается ответить на безумное количество просто слабых диссертаций. Всякий человек может зарегистрироваться в этом проекте с указанием тех ваковских специальностей, по которым он считает себя специалистом, ему будут приходить сообщения о планируемых защитах. По правилам автореферат вывешивается на сайте ВАК, за два месяца или за три, в зависимости от того, какая диссертация. Эксперту просто придут сообщения о том, что нового появилось, дальше можно решить, ты пишешь на это отзыв или нет. Это требует безумного количества времени, но, вообще говоря, иногда можно и попробовать.

И самая последняя вещь, которая как раз здесь не звучала, но, по-видимому, является существенной. По-хорошему надо разграничивать два набора явлений. Первое — это недобросовестные или спланированные диссертации людей, которые считают себя учеными или хотя бы преподавателями. Это те люди, которые находятся внутри нашего сообщества, и таких, на самом деле, очень много. Депутаты у всех на слуху, но, например, списана диссертация ректора Бауманки, это главный технический вуз страны.

Вопрос из зала: Это новый или старый ректор?

Гельфанд М. С.: Александр, я не знаю, новый или старый. Он доктор технических наук, его диссертация скомпилирована из, я не помню, шести или семи источников, можно посмотреть. Есть масса ректоров федеральных университетов. Есть очень сильное давление на просто рядовых преподавателей и доцентов, которым надо защищаться, чтобы продвигаться по карьерной лестнице: нельзя стать профессором, не будучи доктором; соответственно, нельзя получать профессорскую зарплату, не будучи доктором. И особенно в провинциальных вузах это давление, по-видимому, довольно сильное.

А второе — чиновники и политики или, там, рестораторы или актеры, или просто богатые люди. Это колоссальный слой людей, у которых тоже есть диссертации. В какой-то момент стало модно вместе с правильными часами, правильным костюмом, правильной секретаршей и правильным автомобилем еще иметь диссертацию. Диссертации дарили. Есть чудесный рассказ нынешнего мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана — он как раз несистемный человек, его выбрали, в общем, при большом противодействии, — как к нему в какой-то момент пришли люди, сказали: «Евгений Вадимович, ну, несолидно как-то без диссертации, давайте мы вам сделаем».

Есть чудесный пример губернатора (примечание 2018 г.: сейчас бывший губернатор. — М. Г.) Тульской области Груздева, это один из самых богатых людей России, он владелец сети магазинов «Седьмой континент». Он стал кандидатом юридических наук еще до того, как стал губернатором; так вот, у него кандидатская диссертация не просто скомпилирована, она списана целиком из одного источника, фактически у нее просто переклеили титульный лист. Это человек, который швейцарские часы китайского производства носить не будет, и костюм от кого полагается — от Vioni, — пошитый на Малой Арнаутской, тоже носить не будет. Но с диссертацией получилось так. Ясно, что его обманули и развели, но ясно также, что если бы он хотел проверить, он бы нашел возможность. Например, у Рамзана Ахматовича Кадырова диссертация абсолютно не списанная, оригинальная, чистейшая. В ней только есть прямые и обратные дифференциальные уравнения Колмогорова, что показывает, что люди, которые ее писали, немножко увлеклись, но формальных придилок к ней нет ни малейших.

Я думаю, что некая волна разборок после открытий «Диссернета» все-таки происходила. Подчеркиваю, что не хочу ничего про это знать. Но, тем не менее, то, чем занимается «Диссернет», это некоторое нарушение правил игры. У этих ребят — я не говорю сейчас про научное сообщество, у которого все-таки были представления о прекрасном, там понимали, что списывать нельзя, — у этих ребят диссертация, степень была такой цацкой, которую уважаемому человеку приносят, он даже никогда не думает, как ее делают. И там могут сделать добросовестно, могут сделать недобросовестно. Добросовестная стоит, наверное, чуть дороже, но, на самом деле, это совершенно неважно. А теперь приходят какие-то ребята не с нашего района, которые говорят: «Нет, это все вы не по правилам делали, давайте мы у вас все отберем». И это есть довольно забавная социальная коллизия, когда в неформальную норму, которая в некотором сообществе существовала, вторглось другое сообщество, сказавши: «Ребята, вы все это время должны были играть по нашим правилам, мы просто раньше вам про это не говорили, а вот теперь мы пришли и вам про это скажем». Я вполне понимаю этих депутатов Государственной Думы, которые не голосуют за этот закон, потому что им навязывают чужую игру, они-то привыкли играть так, как играют. Это коллизия, я совершенно не понимаю, как она будет разрешаться.

Сейчас есть очень хороший тестовый пример, я рекомендую всем за этим следить, сейчас слушается в диссертационном совете при Российском университете дружбы народов дело о лишении степени бывшего спикера, а ныне просто депутата Московской городской Думы господина Платонова. Цирк состоит в том, что председателем этого диссертационного совета является сенатор Андрей Клишас. Кейс, с точки зрения «Диссернета», абсолютно неубиваемый, потому что там большие куски очевидного списывания, там нельзя сказать, что это вот маленькая цитата, или где-то кавычки забыли. И как эта коллизия будет решаться, мне очень интересно (примечание 2018 г.: Платонов отказался от степени. — М. Г.).

Я видел примеры, когда эти коллизии решаются так, что решение диссертационного совета состоит во фразе: «Пошли на фиг». Оно длинное, но сводится к этому. Вот другой депутат Московской городской Думы — Сметанов. Я был на заседании диссертацион-

ного Совета, где рассматривалась по правилам ВАКа апелляция на этого же диссовета решение. Они были замечательные, они в течение часа объясняли, какой он хороший директор завода, как он сохранил завод в трудные времена, какой он замечательный хозяйственник, как он помогает институту, как на базе завода проходят практикумы у студентов с разных кафедр. А по делу, про то, что у него диссертация наполовину списана, не было сказано ничего; выступая, я обратил внимание профессоров (это в МАМИ было), членов диссертационного Совета на то, что мы немножко не то обсуждаем. Они говорят: «Ну как же, посмотрите, вы сами говорите, что у него материалы из четырех источников, это же означает, что он работал, если б из одного, тогда был бы плагиат». Это профессор, член диссертационного совета, это цитата, которую я привожу близко к тексту. Там был корреспондент «Газеты.ру», он это воспроизвел. (Примечание 2018 г.: экспертный совет ВАК по отраслевой и региональной экономике рекомендовал отклонить заявление о лишении степени, однако президиум ВАК с этим не согласился и рекомендовал Минобрнауки лишить Сметанова степени, что и было сделано. — М. Г.)

В том, что я говорю, нет месседжа, из этого не следует практически никаких выводов, кроме единственного, что, с одной стороны, пример «Диссернета» вроде бы показывает, что что-то сделать можно. А с другой стороны, что есть некоторые прямые точки приложения, например можно давить на срок давности. В свое время было письмо, подписанное несколькими сотнями ученых, о снятии срока давности на лишение степеней за плагиат. Положительным итогом этого круглого стола было бы, если бы был какой-то официальный документ, подписанный официальным учреждением — это может быть Институт философии, это может быть отделение Академии наук, это может быть вся Академия наук, — о том, что является плагиатом в научных исследованиях, каковы формальные признаки плагиата. Это было бы мнение Академии наук, и тому же «Диссернету» это было бы очень важное подспорье, потому что это был бы документ, на который можно ссылаться. Сейчас ссылаться не на что. Ну и, наконец, можно, действительно, писать отзывы. Спасибо.

Юдин Б. Г.: Спасибо большое. У меня к вам вопрос. Вы говорили про экономические диссертации, где обнаружен подлог. Имеет ли подлог какую-то юридическую квалификацию в России?

Гельфанд М. С.: Я фамилии не называл, поэтому не страшно, но вот если бы я слово «подлог» произнес одновременно с фамилией человека, который защитил эту диссертацию, то он бы меня потащил в суд. Потому что подлог является уголовно наказуемым, есть статья за подлог, и опять-таки эта статья совершенно не описывает ситуацию со списанными данными в диссертации. Поэтому если бы сказал, что у Иванова в диссертации содержится подлог, то, вообще говоря, я бы имел хорошую перспективу оказаться ответчиком в каком-нибудь Басманном суде и радостно там доказывать, что я вовсе не то имел в виду. Кстати, спасибо большое, что вы сказали, это тоже вещь, которую вполне можно было бы сформулировать, и, опять-таки, это было бы очень полезно.

Юдин Б. Г.: Это то, что называется на Западе фабрикацией».

Гельфанд М. С.: Подлоги не только у экономистов. Есть чудесное кубло, скажем, под руководством академика Бокерии, где медики друг у друга переписывают сплошь и рядом диссертации, просто цифры не меняя вообще или меняя так, что у них арифметика перестает сходиться. Или вот был чудесный пример, когда человек защитил диссертацию про жужелиц Дагестана, списавши ее со статьи про жужелиц Молдовы. Жужелицы это такие жуки; ясно, что в Дагестане и на Карпатах разные жуки водятся. Там еще было смешнее, я последний анекдот расскажу, потому что диссертация дагестанская называлась «Жужелицы, летящие на свет». А молдавская статья была просто про жужелиц, среди них есть нелетающие виды, и когда переписывали, их тоже включили, они тоже летели на свет. Вот так бывает, да.

Еще один пример приведу уже не плагиата, а содержательной недобросовестности. Чудесная статья в журнале «Вопросы философии» — «Таленово на Гиппократе» в контексте астромедицины». В ней сначала пересказывается некий древний текст, а потом в какой-то момент автор пытается сказать, что современная наука должна это все обязательно учитывать, и вот после этого написана безумная хрень. Мне очень интересно посмотреть, кто это рецензировал,

и были ли среди рецензентов не только специалисты по древним текстам, но и специалисты собственно по биологии, про которую автор пытается рассуждать. Извините, бога ради.

Власов В. В.: Уважаемые господа, я хотел бы начать с того мотива, который уже прозвучал здесь, и даже неоднократно. Большинство присутствующих здесь в зале получили свое высшее образование при советской власти еще, в то время, когда нормативом КГБ было иметь в каждой группе студентов по крайней мере одного стукача. Известно, что количество доносов, написанных нашими компатриотами в это же самое в КГБ, НКВД, МГБ, превосходит всякие воображаемые размеры.

При этом удивительно, что в нашей аудитории здесь и за пределами этой аудитории существует очень негативное отношение к людям, которые позволяют себе раскрывать чужие неблагоприятные поступки. В этом смысле я благодарен за то, что прозвучала мысль о том, что одно дело доносить про настоящую бомбу, а другое дело — про заведомо отсутствующую бомбу, это разного рода сообщения в полицию. И вот мне кажется, что, поскольку мы обращаемся к международному опыту, мы категорически должны термину whistleblowers — в единственном числе whistleblower — дать русский эквивалент, который не носил бы негативного смысла, который закреплен в русском языке за словом «стукач».

Я пока придумал только один вариант — «бьющий тревогу» — и хотел бы обратить внимание на то, что в современной практике за рубежом очень важной проблемой является разработка способов защиты этих людей, бьющих тревогу. Потому что, куда бы мы ни пошли, начиная от хорошо известных мне случаев, допустим, в Хорватии, в Польше, и кончая Соединенными Штатами и Австралией, везде в качестве таких бьющих тревогу выступают, как правило, вполне достойные люди, иногда не очень социально комфортные для окружающих, но, тем не менее, обычно очень достойные люди. И какой бы одиозный случай они ни вскрывали, их сообщество, их университет, их факультет всегда или почти всегда реагируют таким образом, что они стараются наказать не того, кто своровал, спер, стибрил, а того, кто предал этот факт гласности. И это понятно, почему — потому что тот, который своровал, спер, стибрил, он сделал это

под покровом ночи, тайно, и как бы не бросил тень на университет. А вот тот, который сделал это предметом всеобщего рассмотрения, он бросил тень на университет. И отсюда, мне кажется, одна из важнейших задач, которая должна быть решена в нашей стране и, конечно же, должна была быть решена еще позавчера, — это институционализация процессов, процедур разбирательства со случаями нарушения норм научной работы, вот этого самого пресловутого misconduct'a.

Совершенно анекдотическая ситуация. В России существует, пусть и маленький, но хорошенький Фонд фундаментальных исследований, в котором деньги дают, а процедуры рассмотрения потенциального нарушения норм научной работы при использовании этих денег не существует. Там обязательно должна быть постоянно работающая комиссия, комитет, который должен быть готов рассмотреть вопрос о том, что деньги использованы не по назначению, представленная работа не является оригинальной, выполнена с нарушением технологических и других норм. Мне кажется, это то, что необходимо делать позавчера. Вот та роль, которую должна и может сыграть Российская академия наук.

Надо сказать, что эту роль пытаются для себя играть университеты. Университеты у нас в известной степени независимы, по крайней мере они разнообразны. К сожалению, то, что они делают, выглядит как большая самодеятельность. Вот то, что я знаю про разные университеты, хотя, конечно же, я не могу представить систематическую картину по стране. Они пытаются создавать у себя процедуры образования студентов, совершенствования требований к научным сотрудникам и педагогам и расследования случаев нарушений норм. Но делается это в лучшем случае путем переписывания каких-нибудь английских, американских кодексов поведения научного работника, а в худшем случае — изобретение своих домашних процедур. Ну, вот, например, благодаря технологическим возможностям, появлению всякого рода компьютерного анализа текстов облегчилась работа с плагиатом, и возникло впечатление, что плагиата стало больше. В действительности вряд ли его стало больше, хотя можно предполагать, что в момент появления персональных компьютеров и облегчения процедуры copy-paste действительно, увеличился объем плагиата. Но тем не менее одна из первых вещей, которую вводят

в университетах у нас по всей стране, это требование предварительного контроля дипломных и курсовых работ на предмет плагиата. Вплоть до того, что студент обязуется к такому-то числу свою работу пропустить через этот «антиплагиат» и представить итог оценки в виде найденного процента заимствований. Например, до 15% — приемлемо. Это абсолютно бессмысленное, более того, аморальное действие, потому что студент обучается не тому, что он должен сделать оригинальную работу, а тому, что он должен представить работу, в которой не обнаруживается плагиат.

Ну хорошо, он проверит это десять раз, и постепенно у него не будет виден массивный плагиат — известно, что можно модифицировать текст таким образом, что плагиат не будет выявляться, но из благих намерений получаются совершенно ложные послы. И думаю, что одна из таких вещей, которую должен сделать лидирующий орган, — это дать определение, о чем Михаил Сергеевич справедливо сказал. И второе — дать рекомендацию о том, что следует делать и чего делать не следует. К сожалению, здесь сплошное белое поле.

Теперь я обращусь еще к двум вопросам — естественно, кратко. Первый вопрос касается медицины. Вероятно, его коснутся и другие, но у меня есть характерный для этого круга опыт и исследований, и обучения, и редактирования журналов. Я должен сказать, что в медицине так же, как в некоторых других прикладных областях, сформировалась ситуация, которая отражает ту, что Михаил Сергеевич уже описал применительно к депутатам и сенаторам. У них диссертации существуют как приложение к статусу, а совсем не как удостоверение научного уровня. Вот в медицине произошло примерно такое. Думаю, что в прикладных областях это вообще везде существует. Ведь вот смотрите, если мы возьмем англо-американскую систему, островную такую — Канада, Австралия, — у них вообще не существует никаких докторов медицинских наук, никаких степеней по медицинским наукам нет, считается степень только одна — доктор медицины. Если человек занимается наукой, то он проходит через аспирантуру, которая дает ему доктора философии. Как правило, это наука эпидемиология у них, по которой они получают доктора философии, а дальше они занимаются исследованиями, но эти исследования медицинские, эпидемиологические, никаких докторов медицинских наук нет.

У нас же есть доктора наук по глазам, доктора наук по почкам, доктора наук по стопам, и это естественным образом ставит наших докторов в положение «Ну да, мне это нужно для того, чтобы получать больше денег с пациента за то, что лечу стопы». Это изначально неправильная ситуация, и, к сожалению, она вряд ли может быть исправлена принципиально в ближайшее время. Но очень важно — мы сталкиваемся с тем, что врачи, даже уличенные в плагиате, говорят: «Ну ладно, чего вы пристали, я же доктор-то хороший». Или доктора уличают в плагиате, другие про него говорят: «Да вы знаете, он доктор-то хороший, это диссертация, какое имеет значение диссертация». В действительности, я думаю, что тот человек, который ворует спички, он ворует и мороженое. В этом смысле есть такой печальный опыт, в том числе и у «Диссернета», когда человек, уличенный в плагиате, был охарактеризован как хороший доктор. Не прошло и года, и про этого доктора узнали такое, что возникает вопрос: нам надо сейчас идти ему морду бить или подождать. Вот только об этом речь идет, потому что оказывается, что есть весь букет аморального поведения. И в этом смысле такие вещи, как плагиат, являются в известном смысле индикатором. Таким же индикатором в медицине являются псевдонаучные исследования и журнальные публикации. Вот, например, 25 мая в Медицинском университете имени Н. И. Пирогова предполагается защита диссертации Илоны Евгеньевны Коробки под названием «Диагностические возможности метода газоразрядной визуализации для определения вегетативного статуса пациентов с артериальной гипертонией». (Примечание 2018 г.: ученая степень кандидата наук присвоена. — В. В.) Это эффект Кириана, который был обозначен как псевдонаучный объект еще 50 лет назад, если не ошибаюсь.

Само название содержит указание на вегетативный статус, что ставит диссертацию на уровень примерно 50-х годов XX века. Вы не поверите, есть такие герои, которые читают вот такие диссертации и пишут рецензии. Сейчас наше Общество специалистов доказательной медицины подготовило несколько таких отзывов, послали в диссертационный совет. Посмотрим, что с этим произойдет. К сожалению, это повседневность: низкого качества диссертации практически невозможно остановить. Подчеркиваю, это при том, что

там, может быть, нет никакого плагиата, и, может быть, даже нет никакой фабрикации данных, хотя применительно к этой диссертации я сомневаюсь. И вот эта вся работа выливается в так называемые медицинские журналы. Сегодняшние российские медицинские журналы практически все... Я не дам голову на отсечение, что все — может быть, «навозну кучу разрывая, петух найдет алмазное зерно», то есть, может быть, среди них есть какие-то алмазные зерна... Вот на меня Юрий Сергеевич (Савенко. — *Прим. ред.*) смотрит внимательно: у него «Независимый психиатрический журнал», вот как раз такой алмаз незапятнанный. Почему российские медицинские журналы я сравнил с навозом? Потому что они все отравлены коммерческой рекламой. Если вы откроете любой медицинский журнал, то вы увидите там цветные картинки и тексты, опубликованные под них. Сегодня «рекламный модуль», который фармацевтическая компания дает в журнал, или компания, которая производит какие-нибудь иголки, — он состоит из картинки и якобы научной статьи. Все эти научные статьи не имеют никакой научной ценности и, как правило, являются сфабрированными или смоделированными из других исследований. И вот этим наполняются журналы, и они на этом живут. Подписка совершенно мизерная на журналы, они живут за счет платной рекламы. То есть это именно та ситуация, когда нужно обращаться к Всевышнему, чтобы он сжег вот это всё. Но мы не можем этого сделать, потому что мы с вами живем здесь, и у нас ничего другого нет, это те медицинские ученые, их медицинские журналы, которые существуют.

Сегодня упоминал Борис Григорьевич проблему отозванных публикаций. Практика эта началась в начале 90-х годов, и сегодня отозваны уже тысячи статей, отозваны — *retracted* — по причинам самым разным, как правило, из-за нарушений норм научной работы или технических неправильностей. Некоторая часть статей отзывается потому, что авторы сами сообщают, что обнаружили погрешность в своей прошлой работе, и просят эту работу отозвать. Так вот, из России я не знаю ни одного примера отозванной публикации. Это не означает, что у нас таких публикаций нет, которые надо отзывать. Это означает еще в значительной степени и то, что международное научное сообщество поставило крест на российских иссле-

дованиях. То есть эти потенциально негодные публикации, которые проникают в печать — а наши журналы индексируются в международных указателях, — никто не хочет с ними связываться. В значительной степени — подчеркиваю, что затрагиваю только биомедицинский аспект, — получается, что если не наводить в этом порядок, то так и останется эта область совершенно нетронутой и никому не интересной. Она будет продолжать гнить постольку, поскольку существует клубок: фармацевтическая компания платит врачам, профессорам, они производят статьи, эти статьи публикуются, никто их не читает, за это финансируются журналы, и замыкается круг. Все делают вид, что они совершают полезные действия. Поэтому, возвращаясь к исходному предложению, как можно скорее институировать везде, где только можно — в университетах, в Российской академии наук, — комитеты по расследованию случаев нарушения норм научной работы. И для этого нужно начинать с того, что мы можем сделать сегодня, — с формирования заключения сегодняшнего собрания, в котором, например, будут содержаться общепринятые определения в той степени, в которой они могут быть общепринятыми. Спасибо большое за внимание, господа.

Юдин Б. Г.: Спасибо большое.

Вопрос из зала: Скажите, пожалуйста, та ситуация, о которой вы сейчас говорили, характерна для российских медицинских изданий и проблемы у вас выступают чисто российскими? Мне известно о положении дел с добросовестностью в видных фармацевтических компаниях. Допустим, журнал «The Economist» в конце 2013 года писал о том, что фирма «Vaeu» из 67 исследований смогла воспроизвести только четверть. А фирма «Amgen» из 53 только 6. Это ситуация, которая не только обусловлена тем, что экономический интерес заставляет фальсифицировать публикации или сотрудничать с компаниями. Вы сами понимаете, если вывести на рынок новый препарат стоит примерно миллиард долларов и даже выше, человек, который идет против такой фирмы, сильно рискует. И я знаю некоторых наших людей, которые пишут экспертизы для лекарств, — они себя успокаивают тем, что пишут «не рекомендуется беременным». Потому что боятся. Но как вы оцениваете эту ситуацию в глобальном масштабе, потому что не только в России есть эти проблемы.

Власов В. В.: Спасибо. Это было всегда, это было везде. И говорим мы больше всего о России, подозреваю, потому, что мы с вами живем и работаем в России. Но если, допустим, фармацевтические компании оказывают влияние на содержание исследования, на искажение результатов исследований и на публикацию исследований во всем мире, то я подозреваю, что ни в одной стране, на которую русские бы хотели, чтобы Россия была похожа, ни в одной такой стране ничего подобного тому, что есть у нас с медицинскими журналами, нет. Это гарантировано. Да, описаны случаи, когда большие издательства для фармацевтических компаний годами издавали специальные журналы, наполненные рекламным содержанием, а читатели не знали о том, что это рекламные журналы, наполненные рекламным содержанием. Такие вещи есть. Но очень важно, что, во-первых, на мой взгляд, такого гноя больше нигде нет. И второе. Существуют о неблагоприятных явлениях, допустим, в науке Соединенных Штатов, в науке Великобритании, Канады, Японии какие-то сведения, публикации, общественная дискуссия о том, что происходит. У нас, к сожалению, если отложить в сторону «Диссернет», оказывается, что просто заговор молчания. Я далек от того, чтобы предполагать, что все ученые являются участниками этого заговора для того, чтобы скрыть свое собственное воровство, но, по крайней мере, мы все должны взять на себя некоторую долю ответственности, вот так бы я сказал.

Юдин Б. Г.: Спасибо. Рубен Грантович Апресян, профессор, руководитель сектора института философии РАН.

Апресян Р. Г.: У меня несколько замечаний. Первое — по вопросу, затронутому коллегой В. В. Власовым. У нас нет адекватной картины положения дел в российской науке относительно проблематики научной добросовестности. Актуализация этой проблематики и ее продвижение очень важны. Но это продвижение будет эффективным только лишь при условии обеспечения обсуждений и исследований референтной эмпирической базой. А ее нет. Нет потому, что проблемы добросовестности в науке не принято обсуждать. Нельзя сказать, что вопросы такого рода не волнуют научное сообщество. Но у него нет возможности, «нет слов» эти волнения выразить. Обсуждение проблем научной добросовестности, а точ-

нее случаев недобросовестности, должно основываться на фактах. Не на слухах, а на фактах — установленных фактах, зафиксированных фактах, в том числе и в первую очередь зафиксированных в судебном порядке. Эти факты должны быть, условно говоря, «институционализированы».

Во многих странах мира факты недобросовестности подтверждаются посредством судебных решений. Возможно ли что-либо подобное у нас? Сложно сказать. На наше законодательство и наши суды никакой надежды пока нет. Но то, что здесь прозвучало, заслуживает интереса: ученые сообщества, не дожидаясь судебных решений, могли бы выявлять и предъявлять научному миру такого рода факты. Для этого нужна решимость. Присутствующие здесь мои коллеги из Института философии могут вспомнить случаи, носившие явные признаки недобросовестного поведения. Не берусь судить, насколько те факты недобросовестности были умышленными, не исключаю, что какие-то случаи были непредумышленными — по намерениям, но не по результату. Эти случаи обсуждались нами официально, на Ученом совете. Большие затруднения у нас были с тем, как описывать и как квалифицировать произошедшее. Мне кажется, при обсуждении таких случаев мы больше внимания, чем нужно, уделяем мотивам, а не результатам. А в вопросах недобросовестного научного поведения важно оценить именно результаты; мотивы же имеют второстепенный характер. Обсуждения в Институте философии, которые я имею в виду, ушли в песок, поскольку никаких решений принято не было. Случившееся и обсуждение того, что случилось, не стало опытом.

Второе — это осмысление существующего научного этоса. Не этики, а этоса. Не только и не столько того, как должно быть, а того, что есть на самом деле. Взять, к примеру, такое явление, как ложное соавторство. Из бесед со своими коллегами из региональных университетов я знаю, что ложное соавторство, а именно указание в качестве соавтора работы имени человека, который к созданию работы не имеет отношения, — распространенное, если не сказать повсеместное явление. Недавно мне рассказывали о случаях такого рода в столичных вузах. Насколько я понимаю, в силу определенной специфики среди естественников ложное соавторство распространено больше,

чем среди гуманитариев. Надо ли говорить, что на необоснованное соавторство претендуют по большей части люди, имеющие особые статусные и должностные полномочия. Так что ложное соавторство оказывается возможным следствием злоупотребления ложными соавторами своим служебным положением. Со слов своего бывшего студента, выпускника МГУ, знаю об истории в одном московском вузе, когда автор статьи, опубликованной в вузовском журнале, обнаружил, что у него есть соавтор, и этот соавтор — заведующий кафедрой, на которой он работает. После того как его попытка поставить вопрос на обсуждение в вузе, а он обращался к проректору и к ректору, не имела успеха, он обратился в суд. Суд не признал обоснованными претензии автора, к тому же вменил ему все судебные издержки. Вскоре автора вынудили подать заявление об уходе. Эта печальная история из конца 1990-х годов. Автор уже давно доктор наук, профессор. А тот заведующий кафедрой стал проректором и до сих пор благополучно пребывает на этом посту. Если посмотреть список его публикаций, подавляющее их большинство — в соавторстве.

Мы сетуем, что у нас нет строгого понятия плагиата. Посмотрите, чаще у нас говорят «недобросовестное цитирование»; при этом ссылаются на то, что определение в конкретном случае плагиата — это прерогатива суда, поэтому употребляется эвфемизм «недобросовестное цитирование». В отличие от плагиата, ложное соавторство всегда очевидно. Тем не менее вывести на чистую воду ложного соавтора не так просто. Главным образом вследствие того, что это истинные авторы считают недопустимым ложное соавторство. Требующие справедливости, тем более требующие ее в суде, рассматриваются как выносящие сор из избы, иными словами неояльные корпорации университета люди, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Суды же при редких попытках авторов противостоять ложному соавторству становятся на сторону ложных соавторов, поскольку ложные соавторы — начальники, а начальники у судов в фаворе.

Третий вопрос, на котором я хотел бы остановиться, также уже затрагивался. Это вопрос об экспертизе качества научных работ и о научном («процедурном») рецензировании. Здесь два подвопроса. У нас нет четких критериев определения качества научных ра-

бот. Конечно же, интуитивно мы понимаем, какая статья или книга дельная, а какую — в корзину; но мы пока не решаемся сформулировать критерии для определения качественного уровня полученных результатов. Некоторые философы науки полагают, что возможно и этично формулирование недопустимого, и это касается фальсификации, фабрикации данных, плагиата и так далее, а формулирование требований — просто невозможно. Но я подозреваю, что и с таким критерием, как фальсификация, не все просто. Что такое фальсификация в гуманитарных исследованиях, например, как провести грань между фальсификацией и неправильной интерпретацией историко-философского произведения? На уровне мотивов это ясно, но мотивы нам недоступны для анализа и оценки. У меня были случаи, когда я усматривал в работах коллег историко-философские суждения явно не соответствующие, на мой взгляд, тексту анализируемого произведения и делал вывод о непредумышленной фальсификации, а мне в ответ говорили, что это интерпретация, это авторский взгляд. Признаюсь, у меня не было убедительных аргументов. Возможно, мои аргументы и были убедительными для сторонних наблюдателей, но не для тех, у кого я находил бесосновательные интерпретации, на грани с фальсификацией.

Говорю о ситуациях, возникавших в дискуссиях. Но такая же трудность может возникнуть и при «процедурной» экспертизе. Однако проблемы с «процедурной экспертизой» глубже. С одной стороны, считается, что все работы проходят экспертизу, по крайней мере, все работы рецензируются. А с другой — по опыту вокруг я бы сказал, что первичная экспертиза во многих случаях носит формальный характер. Некоторые отзывы на статьи и даже книги не превышают полстраницы, они явно написаны для того, чтобы отписаться и при этом никого не обидеть. Повсеместна практика написания рецензий самими авторами, и эта практика носит «взаимно полезный» характер. Но рецензии такого рода — фикции; в терминах научно-исследовательской работы они представляют собой фабрикацию. Процент таких сфабрикованных рецензий более чем велик. Полагаю необходимым добиваться такого переустройства этоса научных сообществ, при котором считались бы неэтичными какие-либо усилия автора получить рецензию на свой текст; рецензии должно организовывать

то лицо, как правило коллективное (редакция, издательство), которому рецензия адресуется. Порядок, при котором забота об организации рецензии перекладывается на автора, представляет собой непосредственное условие для недобросовестного поведения в науке. В криминологии есть теория разбитых стекол, согласно которой без предотвращения мелких правонарушений (на которые правоохранители часто не обращают внимания) не добиться сокращения преступлений против личности и против собственности. Полагаю, аналогичная закономерность в борьбе против научной недобросовестности. Я бы сказал, что мнимые экспертизы — это самая большая проблема научного этоса, потому что это наиболее распространенное явление недобросовестности в нашей среде.

Четвертое, к этому примыкает еще один вопрос: рецензирование статей в журналах при их рассмотрении на предмет публикации. У нас все больше журналов принимают статус рецензируемых. Но в самом ли деле они таковы? Есть такие, в которых статьи проходят реальное рецензирование. Однако есть и такие, где авторам формально присылаются рецензии, но рецензии оставляют впечатление сгенерированных машиной. Где-то рецензирование подменено отбором, производимым работниками редакции, так сказать, в рабочем порядке. Где-то рецензирование проводится в форме обсуждения статей на редколлегии, и сама процедура обсуждения на редколлегии уже рассматривается как свидетельство того, что журнал является рецензируемым. Между тем очевидно, что экспертиза и просто обсуждение — разные вещи.

Очень важный вопрос, пятое: экспертиза заявок на гранты и в особенности промежуточных и финальных отчетов по грантовым исследованиям. По своему опыту эксперта в научных фондах я бы сказал, что отбор недостаточно строг, а оценка итогов исследований по грантам фактически носит формальный характер. Не слышал ни об одном случае прекращения финансирования исследования по итогам экспертизы промежуточных отчетов.

Кнященко Л. П.: Такие случаи есть, и их становится больше.

Апресян Р. Г.: Рад это слышать. Повышение уровня экспертизы не замедлило бы сказаться и на степени добросовестности заявок. Это могло бы стать важным фактором повышения этоса научных

исследований. Я уповаю на то, что научные фонды могли бы задать в этом деле особый тон и предъявить научному сообществу надлежащий ранг экспертной работы. Состояние научного этоса — очень серьезный вопрос.

Наконец, в-шестых, хотел бы затронуть вопрос, состояние и решение которого пока от нас, то есть ученых, мало зависит. Мы как ученые все больше и больше оказываемся в положении, когда мы вынуждены лукавить и фантазировать. Тенденция возрастания бумажного потока от регулирующих инстанций имела место еще тогда, когда академические институты подчинились РАН. С возникновением ФАНО и переподчинением институтам этому учреждению бумажный поток с требованием предоставления самых разных данных, причем почему-то в кратчайшие сроки, возрос на порядок. Особенно одиозными выглядят запросы на планы научных исследований надолго вперед, на 10–15, а то и 25 лет, причем с формулированием предполагаемых результатов. Запросы такого рода приходили и от президиума РАН, где, как кажется, работают люди, представляющие, что такое наука и как она развивается. Чиновники ФАНО, судя по всему, — люди, не имеющие ни малейшего представления о специфике научной деятельности, в особенности в гуманитарной области. Вы знаете, что есть пессимисты в нашей среде, которые полагают, что это такой метод борьбы государства с учеными как социальной группой: задавить их бюрократическими нагрузками. Я, как реалист, полагаю, что госчиновники исходят из того, что, поскольку на научные исследования идут бюджетные средства, этой деятельностью надо как-то управлять и они управляют, как могут, как «менеджеры». Как бы то ни было, задания на составление перспективных планов, причем, повторю, с формулированием ожидаемых результатов, идут. В этих условиях руководство научных институтов (знаю, что то же самое происходит в вузах; понятно, что это политика Минобрнауки), вынужденное «соответствовать», требует соответствующих сведений от подразделений, то есть от ученых, которым ничего другого не остается, как сочинять планы и прогнозировать будущие результаты. Вроде бы рутинные бюрократические игры. А на деле происходит изменение атмосферы в науке, изменение академического этоса. Потому что все это так называемое планирование-прогнозирование

ние — сочинение программ, направлений, госзаданий, — сплошь пропитано симуляцией активности, в конечном счете — фальсификациями, ложью. Без избавления от этой бюрократической «плесени» нельзя всерьез говорить об утверждении добросовестности в науке.

Юдин Б. Г.: Спасибо большое. Пожалуйста, Лариса Павловна Киященко, Российский гуманитарный научный фонд.

Киященко Л. П.: Выступая в роли двуликого Януса, приветствую и солидаризируюсь с теми интересами, которые представляет Институт философии. Одновременно являюсь тем самым чиновником РГНФ, который курирует проведение экспертизы подаваемых на конкурс проектов по направлению «Общественные науки». Многие сотрудники Института философии, являясь экспертами фонда, принимают активное участие в экспертизе научных проектов, подаваемых на конкурсы. Проблема добросовестного отношения к научному исследованию и ожидаемым результатам имеет несколько измерений. В первую очередь это оценка качества самой заявки и, конечно, компетентность самой экспертизы. Проблема добросовестности решается неоднозначно и принимает форму выбора, довольно часто — поиска компромисса. Не последнюю роль в нем играет здравый смысл, воспитанный в профессиональном сообществе, культивирующий традиционные ценности и открытый к новому в данной сфере знания. Я хочу поддержать сегодняшнее обсуждение: во-первых, оно очень хорошо сложилось, и считаю, что у него, у этого мероприятия, которое сегодня началось, есть будущее. Хочу апеллировать к последней фразе, последнему абзацу выступления уважаемого коллеги Власова. Было сказано следующее: надо выработать некий концептуальный аппарат, который будет в той или иной степени приемлем для решения поставленной проблемы. Мне кажется, это суперважная, архиважная задача, сразу не выполнимая. В той или иной степени мы ступили на этот путь и к поставленной цели можем перманентно приближаться, и отдавать себе отчет в этом позитивном и перспективном движении, фиксируя достигнутые договоренности.

То есть наша работа должна состоять из двух сегментов. Это то, что говорил сейчас уважаемый Рубен Грантович (Апресян. — *Прим. ред.*), — это эмпирическая база, в достаточной мере обеспечиваю-

щая некоторые наши концептуальные изыскания. И определение общепотребительных понятий, которыми мы можем оперировать, следя за их обновляемыми смыслами. Этот тезаурус, и самоорганизующийся и организуемый, нужен людям, которые практически и олицетворяют эту работу сегодня на уровне «Диссернета». То есть благоприятное стечение двух обстоятельств будет определять успешность нашего мероприятия. Мне кажется, это основное: как наладить эту связку, что по преимуществу будет лидировать в тот или иной период нашего времени, нашей деятельности в этом направлении. Кратко хочу еще напомнить, что совсем недавно вышла книжка «Этос науки», изданная в 2008 году в издательстве Academia. Мы можем предположить, что проблема этоса науки принимает обостренную форму в периоды очевидной аномии, о чем много и подробно говорилось в этой книге. Так вот, мне кажется, что не грех, так сказать, не начинать с чистого листа, посмотреть, что было уже сделано, — например, для того, чтобы сказать, что мы сегодня будем делать по-другому. В этой книге был дан серьезный анализ мертоновской этосной программы, которому уже тогда было ясно, что те четыре правила, о которых сегодня упоминал Лекторский, по требованию его времени приобретали опровергающие формы, в конструктивном и конкретном виде. И поэтому сегодня охоть и ахоть, что сегодня происходит, — да, это было уже тогда, и было всегда, что отмечали выступающие. Давайте делать из этого выводы, работать над ошибками и что-то конструктивно предлагать в связи с предложенным ранее.

Конечно, нельзя не сказать, что помимо проработки современных критериев добросовестности проведения научного исследования встает дополнительная проблема институционализации органа, выносящего решения о добросовестности. Это может быть официальная цензура или цензура научного сообщества, которая негласно всегда выполняла добровольно эту функцию. Возможно, слово цензура неуместно в нашем случае, скорее речь должна идти об отработанной процедуре рецензирования, предполагающей открытую форму оповещения о проведенном критическом анализе. Причем совсем не всегда сводящейся к критике с огульными и неаргументированными нападкам по причинам, далеким от научного исследования.

Конечно, все наши намерения могут осуществиться в силу наших обстоятельств, нашего контекста, как мы сейчас любим говорить, что сегодня можем сделать, но мы сегодня должны обязательно что-то сделать, это абсолютно верно и, безусловно, и, Борис Григорьевич, спасибо, что вы эту тему подняли, рассказали, что и как в мире происходит, что у нас сегодня, мы услышали от выступающих, и осталось только — за работу, товарищи. Спасибо за внимание.

Юдин Б. Г.: Спасибо. Слово предоставляется Харлампью Тирасу, Пушино.

Тирас Х. П.: Добрый день, коллеги, я здесь тоже в двух лицах. Несколько последних лет я являюсь проректором Пушчинского естественно-научного института, ПушГЕНИ. И одновременно я продолжаю работать в Институте биофизики, уже более 40 лет, и мне ужасно было интересно присутствовать здесь сегодня. Вот, что интересного, все говорят о критериях качества научных исследований, и, видимо, это надо будет оставить в качестве нашего пожелания, в результирующей части нашего совещания. Чтобы действительно, насколько это возможно сегодня, подготовить некий документ, скажем, инициированный Институтом философии, которому отдельное спасибо за этот круглый стол и вообще за поднятую тему. Если я правильно понимаю, это инициативная работа: людей просто тошнит от всего существующего, и они решили начать очистительную работу. Да, когда тошнит, надо, в общем, как-то бороться с этим делом. Вот «Диссернет» — это то, что я имею в виду. Это общественная активность, которая никем не была финансирована, не имела какой-то политической подоплеки, никакой игры. Эта деятельность могла бы быть представлена в качестве примера достойного поведения отечественных ученых, которые в данном случае получили поддержку от лица Института философии Российской академии наук, насколько я могу понять из прозвучавших сегодня выступлений. И второе, что Институт философии и мы, присутствующие здесь сотрудники Академии наук, считаем, что действительно пора Академии наук сказать свое слово по поднятой теме.

Если президиум Академии наук не хочет этого делать, мы это тоже должны услышать. Отрицательный результат тоже результат, мы должны видеть, каково состояние нашей академии. Значит, если мы

хотим как-то приподнять общественную значимость РАН и ее репутацию, надо об этом сказать прямо. Я еще раз повторю: спасибо Институту философии, что он эту тему поднимает и эту общественную инициативу поддерживает в таких формах, как сегодня, круглым столом. Ну, вот это вот мое пожелание, я ничего нового здесь, в общем, после всех выступающих не скажу, расскажу только один анекдот, который относится к пониманию того, как оценивать качество научных исследований. Вообще, вопрос очень непростой, но мой опыт уже 40-летней работы говорит о том, что любой формальный критерий, который мы внесем сегодня, завтра окажется скомпрометированным. Потому что когда ввели нам эти индексы Хирша, я вдруг за собой начал замечать, что хочу себя процитировать лишний раз, хотя я этого не делал никогда до этого, значит, и коллег процитировать, потому что, мы должны же как-то помогать друг другу? А каким образом, ну, понятно, каким образом: ты меня цитируешь, я тебя цитирую, мы оба уважаемые люди, как говорил известный автор. Значит, цена этим критериям на самом деле невысокая, но они объективная реальность, которая на нас упала в последние несколько лет.

Анекдот такой, он вообще занятный, потому что, когда я еще только начинал работать в науке, у нас были комплексные советские критерии оценки научных сотрудников, которые включали количество статей, тезисов, и так далее, и тому подобное, в том числе в ряду этих критериев был выход на картошку, была у нас, как и везде, такая вот часть нашей научной работы. За выход на картошку давали полбалла в соцсоревновании, а также полбалла стоили тезисы научной статьи — сама статья, по-моему, стоила 4 или 3 балла, не помню точно. И были герои, которые выполняли и перевыполняли, показатели у них были совершенно замечательные. Некоторые писали по 150 тезисов в год, был такой рекорд, говорят, в соседнем институте. А были герои, которые выполняли свои показатели за счет выхода на картошку. В конце года профсоюз подсчитывал эти баллы, и выдавали премию по 30 рублей на лабораторию, но все мы понимали, что цена этим критериям, вообще-то говоря, копейка.

И последнее, что я хотел сказать — может быть, не совсем в тему сегодняшнего обсуждения. Но оно, с моей точки зрения, имеет прямое отношение к качеству нашей научной работы. Я хочу сказать

о соотношении русского и не русского языка в нашей жизни. Для начала упомяну такой вот печальный факт: на биофаке МГУ уже три года как учат русскому языку.

Вопрос из зала: Русскому?

Тирас Х. П.: Да. Специальные занятия для студентов, которые приходят к нам после ЕГЭ-шного «чуда» с плохой подготовкой. Ребята не умеют писать на русском языке, и на биофаке их учат.

Вопрос из зала: Это иностранные студенты?

Тирас Х. П.: Наши, русские, московские студенты. В том-то все и дело, что в МГУ учатся в основном москвичи. И вот их нужно учить русскому языку, потому что в школе их недоучили.

Вопрос из зала: Вероятно, английский у них хороший.

Тирас Х. П.: Английский — это отдельный сюжет, по-английски мы еще лет 50 будем говорить плохо, это понятно, у нас большая страна, и попробуй сделать хороший средний уровень иностранного языка. Но я о том, что русский язык нам бы не забыть. Потому что это будет иметь прямое отношение к качеству образования и к качеству науки, потому что, здесь я процитирую Симона Эльевича Шноля, он в своей книге «Про героев и злодеев российской науки», которую все, наверное, знают, в предисловии, написал такую замечательную фразу: «Нетривиальные мысли очень трудно (а я считаю, что невозможно. — Х. Т.) излагать на неродном языке». Мы понимаем, что должны свои данные представить мировому сообществу, чтобы они вошли в мировой научный контекст и стали общим достоянием. Но сила русской науки всегда была в том, что академик Журавлев называл «brainware». Не hardware, не software, а brainware, то есть новые идеи. Но как новые идеи могут сформулировать русские ученые не на русском языке?

Еще раз, мы не англичане, мы должны писать на русском языке и поднимать русские журналы. Я говорю это к тому, что когда мы будем писать результирующий документ круглого стола по поводу критериев, здесь надо отдельно отметить этот перекоп — иностранные, не иностранные публикации, надо с этим делом разобраться. Я считаю, что хотя нам обязательно нужно публиковаться на Западе, но при этом бросать свой язык ни в коем случае нельзя.

По этому поводу я расскажу последнюю на сегодня историю, это уже относится к нашим сильным ученым и к лидерам наук. История, которая произошла примерно сто лет назад, связана с именем пиретского профессора А. А. Заварзина, одного из отцов нашей нейроморфологии. Он сделал колоссальную научную работу по строению нервной системы личинки стрекозы. Это классическая работа, которая выполнялась им в течение ряда лет, и вся Европа знала об этой работе. И вот для того, чтобы эту статью прочитали на русском языке, он основал журнал «Архив анатомии, гистологии, эмбриологии». И этот свой фундаментальный научный труд издал на русском языке в этом русском журнале. И после этого немцам-морфологам — а тогда наука вся была немецкая, так что биологам во всем мире — пришлось читать русскую статью. Это я не к тому, что Россия — родина слонов, но это момент очень важный. Если наши лидеры науки свои первые статьи будут публиковать на русском языке, это тоже важный момент. Спасибо за внимание.

Вопрос из зала: возможно, нужны новые критерии оценки научного труда?

Тирас Х. П.: Правильно, об этом и речь, нам нужно с этими критериями как-то разбираться. Понимаете, когда нас заставляют заниматься в общем-то ненужными делами, это неправильно. Те же индексы цитирования — все равно что советские полбалла в отчет за выход на картошку, примерно такая же история. Там же тоже премии давали или лишали.

Гельфанд М. С.: Я прошу прощения, формат круглого стола подразумевает повторное выступление?

Юдин Б. Г.: Да.

Гельфанд М. С.: Спасибо большое, я хотел бы выразить категорическое несогласие с последним суждением, и вот почему. Во-первых, к сожалению, в российской биологии сейчас нет ученых такого уровня, чтобы заставить значительное число людей прочитать статьи по-русски. И в математике нет, но в математике легче, там формулы, там можно языка не знать. Я в свое время какие-то французские статьи читал, не зная языка вообще. Я также не согласен с процитированным высказыванием высокоуважаемого Симона Эльевича про нетривиальные мысли. Я бы считал по-другому, я бы считал, что

английский язык, который де-факто является языком науки, надо выучить настолько, чтобы уметь на нем нетривиальные мысли формулировать, и это, на самом деле, не так сложно, он для формулирования мыслей очень хорошо подходит. И весь этот разговор про то, что надо публиковаться по-русски, он мне кажется надуманным, потому что вот это слово «надо» — никто ж не запрещает. Более того, есть российские журналы вполне себе индексируемые в тех же самых библиометрических системах, которые дают ровно те же надбавки, и они переводятся на английский язык. Другое дело, что эти журналы, к сожалению, по мировым меркам не очень высокого уровня, но это не зависит от того языка, на котором они издаются первоначально. Я хотел бы обратить внимание, что многие ведущие европейские журналы перешли на английский язык. Французы, например, очень держались за французский язык и сейчас держатся, но все-таки биологические французские журналы перестали существовать как отдельные объекты, они все изначально издаются по-английски. «Записки Института Пастера» издаются по-английски, то же самое с немецкими журналами. А российская биология по уровню куда ниже и немецкой, и французской.

И если мы сейчас будем уговаривать российских ученых публиковаться в первую голову по-русски в наших несчастных изданиях, мы, на самом деле, рискуем потерей приоритета — чисто прагматически, вот такого государственного приоритета. Обзоры — пожалуйста, учебники, действительно, учиться лучше, проще на родном языке. Хотя опять-таки, если человека не научить излагать свои мысли по-английски в самом начале, ему будет сложно. На нашем факультете есть кафедра английского языка, и есть известная факультетская острота, что самые уважаемые люди на нашем факультете — это преподаватели английского языка. Это смешно, но до некоторой степени это так. Студенты делают доклады по-английски или стенды выставляют на конференциях, начиная с третьего курса. Зато, когда они ко мне приходят на четвертом курсе, мне не приходит в голову спросить, знает ли он язык, когда я выдаю какие-то статьи для журнального клуба.

Ничего не поделаешь, в Китае то же самое происходит. В Японии научные семинары проходят по-английски, им это совсем тяжело, это дает нечестное преимущество нашим англосаксонским колле-

гам, которые этот язык знают сразу. Другое дело, что они за это вынуждены терпеть нас, которые их язык всячески коверкают. Им надо учиться понимать, это отдельное искусство.

И то, с чего вы начали, что на биофаке студентов приходится учить писать по-русски, я боюсь, что тут немножко произошел сдвиг понятий. Их вообще надо учить писать, независимо от того, на каком языке. У них проблема не с изложением своих мыслей на русском языке, у них проблема просто с изложением своих мыслей, и эта проблема действительно есть, они, очень многие, пишут очень плохо, от языка это никак не зависит, это не проблема русского языка. Это проблема того, что их не учат писать эссе, вообще жанр связного текста и связного рассуждения в российских школах, по-видимому, практически не преподаются. Но это другая проблема, это не проблема языка, это проблема высказывания.

Юдин Б. Г.: Спасибо. Да, пожалуйста. Профессор Горохов Виталий Георгиевич.

Горохов В. Г.: Я хотел бы все-таки возразить этому устремлению перевести всё в науке на английский язык — с точки зрения гуманитарных наук. Потому что, например, немцы не хотят обсуждать Канта на английском языке, да и мы тоже. Есть прекрасный перевод Канта, изданием которого руководит наша знаменитая сотрудница профессор Мотрошилова вместе с профессором Тушлингом из университета Марбурга, где одна страница Канта дается по-русски, а другая тут же по-немецки. Этот перевод намного лучше переводов Канта на английский язык. Кроме того, французы тоже продолжают не хотеть выступать по-английски, а иногда даже не могут, поскольку им это запрещено. Я был в Германии на конференции, где было два француза и где почти никто не понимал по-французски. Но они выступили на французском языке, при этом зная хорошо английский. Я спросил одного из них: «Слушай, для чего ты это делаешь, никто ж тебя не понял». Он говорит: «Второй донесет, мне не заплатят командировочные, если я буду выступать не на французском языке».

Однако я вообще-то хотел сказать не совсем про это, а про то, что театр начинается с вешалки, и в этом смысле плагиат начинается со студенческих и аспирантских работ. Вот я в Дубне, преподавал в Объединенном институте ядерных исследований аспирантам курс

истории и философии науки. Там высокий очень уровень аспирантов, но многие из них только с третьего захода начинают понимать, что такое плагиат.

Программа автоматического поиска плагиата, по моему мнению, полная чепуха. Она находит иногда ссылки на собственные статьи автора и указывает, что это плагиат.

В Германии студент, который приходит на любой семинар, сначала подписывает бумагу, что он плагиат делать не будет. Для нас это смешно, но в юридической системе, которая существует в Германии, как и во многих других странах, это важный аргумент, чтобы человека прищучить, отчислить и так далее, если он этого не выполняет.

Это важный момент, поскольку, если люди начинают с плагиата со студенческой скамьи, они потом будут продолжать это делать и дальше.

Что касается «свистунов» и стукачей, маленькое замечание. В Германии, если сосед случайно навалил чуть-чуть земли на участок своего соседа, то тот ему улыбается, но подает в суд. И там мировой судья пытается примирить стороны. Я сам проходил через этот суд, и мы, как советские граждане, тогда были в шоке, но потом привыкли, ничего страшного в этом нет. Это у них нормальные взаимоотношения.

Мое последнее замечание к тому, что сказал Рубен Грантович (Апресян. — *Прим. ред.*). Это по поводу, так сказать, соавторства. Многие вещи у нас идут с советских времен. В военно-промышленном комплексе, например, никто тебя не спрашивал, хочешь ты иметь соавтором начальство или нет. Вот такой почти анекдотичный случай: я работал в НИИ электромеханики, и там было авторское свидетельство, главный автор которого добровольно приписал в соавторы одного замдиректора, а затем и директора. До этого момента все шло без проблем. Но когда директор приписал в соавторы еще свою любовницу, изобретатель возмутился. А ему сказали: «Слушай, ты что думаешь, ты автор этого изобретения? Директор автор, а он кого хочет, того и берет в соавторы, а тебя, например, может вычеркнуть». Фактически тогда никто не спрашивал, например, кто пишет диссертацию начальству. Давали задание сотрудникам, и точка.

Тирас Х. П.: В Институте генетики, простите, все работы, когда был директором Дубинин, выходили в печать с его подписью и с его соавторством.

Горохов В. Г.: Да, вот именно... Один известный российский химик или химико-физик, пишет с гордостью, что у него высокий индекс Хирша, и он профессор в американском университете. Но, извините меня, он туда запродал весь институт, поэтому индекс Хирша ему там подняли, как и все остальное. Я просто хочу сказать, что, конечно, должна быть некая правовая основа для таких вещей, потому что обвинить в плагиате можно, но доказать это бывает очень трудно. Мне кто-то сказал: «Вот ты пишешь обзор, это нормально». Но из этого обзора берут, выдергивают все статьи, на которые я ссылаюсь, которые они никогда не могли даже видеть, потому что я брал их из первоисточника. И потом в конце пишут: автор (то есть я) там что-то сказал. Я написал протест в этот журнал, «Кредо», но ни ответа, ни привета не последовало. Единственное, что мне удалось, я отыгрался на этом кандидате философских наук, когда зарубил его тезисы на философский конгресс, но в принципе, он даже не догадался, за что. Вот все, что я хотел сказать.

Юдин Б. Г.: Спасибо.

Гельфанд М. С.: Прошу прощения, я тоже очень коротко добавлю. Ситуация с переписыванием студентами рефератов — это действительно очень серьезная проблема, но помимо всего прочего это еще проблема учебных планов. Потому что студент не будет делать работу, которая является очевидно бессмысленной. Если учебный план такую работу навязывает, то даже хороший студент будет всеми способами пытаться этого избежать. Я в свое время списал свой реферат по истории партии, а в этом здании я сдавал кандидатский минимум по философии. Это было довольно давно, но и там было не все замечательно. Преподавание большого количества бессмысленных дисциплин, на самом деле, очень сильно провоцирует студентов на списывание.

Юдин Б. Г.: Марина Сергеевна Киселева, пожалуйста.

Киселева М. С.: Уважаемые коллеги, я думаю, что расклад, как в пасьянсе, очень понятен. С одной стороны, юридические аспекты этой проблемы, которые необходимо обсуждать и, очевидно, оформ-

лять в законы. Это законодательная деятельность. С другой стороны, бесконечный процесс очищения вплоть до полной добросовестности. Слава «Диссернету», который за это взялся. Вероятно, на общественных началах? Или есть какие-то гранты, которые вам помогают?

Тельфанд М. С.: Был.

Киселева М. С.: Что было, то прошло, но «Диссернет» продолжается. Конечно, научная и образовательная среда имеет экспертные структуры. Однако в них, как и во всяких других областях отечественной жизни, сложились «наши» традиции: они позволяют приспосабливать строгость экспертизы к сложившимся иерархиям научных званий и положений ученых в науке; компенсировать хронический недостаток времени квалифицированных экспертов, а также пользоваться подобием экспертизы — так называемой «рыбой» — авторской саморецензией за подписью эксперта. Полагаю, вопрос об экспертизе подробно и хорошо проанализирован в выступлении Рубена Грантовича Апресяна. Но здесь есть и другие проблемы. Например, нестрого проведенные опытные исследования по причинам, не зависящим от исследователей (отсутствие финансирования, внешние факторы и т.п.). Могу вспомнить, к примеру, как в Черногловке в 90-е годы отключали в летнее время электричество, и идущие в институтах эксперименты просто прерывались. И вот все эти и многие другие проблемы, связанные с сегодняшним состоянием отечественной науки, мы сейчас пытаемся покрыть одним замечательным словом «добросовестность». Почему предложен именно этот критерий, и насколько такой рецепт может быть успешен от современных болезней? У меня, признаться, ответ один: в наших условиях им можно пользоваться в просветительных и образовательных целях. Как ответила одна аспирантка на экзамене на вопрос о нормах и идеалах научного знания: «Конечно, сегодня это добросовестность в науке, нам об этом на каждой лекции по многу раз говорили».

Мне представляется все же, что в науке, особенно в гуманитарном знании, пока еще вполне сохранно и работает понятие «авторитетный ученый». Не в смысле его должностного статуса, а содержания его исследовательской деятельности. То и другое, к сожалению, а может и к счастью, не всегда совпадают. Каждый исследователь по мере вхождения в науку, как бы ни обновлялось само научное

знание, формирует для себя «шкалу авторитетов». Занимаясь своей проблемой, я твердо знаю, что книгу или статью такого-то доктора наук я никогда не открою, потому что однажды это было сделано — и оценка сложилась. Работы же другого я буду читать и изучать. Понятно, что дело тут не только в добросовестности. Можно уличить «шкалу авторитетов» в глухом субъективизме того или другого исследователя. Но можно за ней увидеть внутренний критерий того, что Владислав Александрович Лекторский назвал «самонастраивающейся» процедурой научного знания. Так вот, вопрос прост и сложен одновременно: можно ли добросовестность сделать принуждением для работающего в науке человека через юридические и институциональные практики ее организации или добросовестность являет нам нравственный облик, характеризует нравственную позицию честного ученого, как лично ответственного человека за свою профессию, а следовательно, ведет его труды к включению в «шкалу авторитетов»?

Теперь вторая проблема, озвученная Харлампием Пантелеевичем Тирасом, о которой я не могу не сказать. Это проблема сохранения русского языка для нашей науки. Я не сомневаюсь в том, что математики, scientists, нуждаются в скорейших представлениях своих результатов на английском языке, этой современной латыни, чтобы как можно скорее быть услышанным на рынке научных идей. Думаю, что в гуманитарных науках, не в социальных, а именно в гуманитарных, до сих пор важно не опередить соперника в новизне идей, сформулировав их на английском языке, а иметь возможность выполнять одновременно две разнонаправленные задачи. Гуманитарное знание создает напряжение между необходимостью осмысления прошлого и возможностями будущего развития культуры. Связь гуманитарных наук и языка, на котором они существуют, есть живая самосохраняющая сила самой культуры. В силу исторической ретроспективности во всех дисциплинах гуманитарного знания последовательное искоренение русского языка как из исследовательских практик, так и из образовательных курсов высшей школы (преподавание истории русской литературы, философии, истории на английском) приведет к утрате этого балансирования между прошлым и будущим, потере напряжения в культуре, с которой национальная гуманитарная наука онтологически связана. Сколь бы много страниц в «Воине и мире»

ни было отдано Толстым французскому языку, это все же роман русского писателя, написанный на русском языке и прежде всего рассчитанный быть прочитанным на этом языке читающей публикой.

Если перейти в гуманитарном образовании и науках на английский язык, русская культура потеряет собственную традицию и возможность развития. Приобретет ли она таким образом чужую и нужно ли это русской культуре? Подумаем, сохранится ли, в случае перехода на английский язык в гуманитарном образовании и научной деятельности, русская высокопрофессиональная художественная переводческая традиция? Как будет осуществлять себя коммуникация культур через два-три поколения, кем будут эти будущие «русские» гуманитарии, разорвавшие свои связи с национальными научными школами XIX и XX веков? Думаю, стоит вспомнить трехтомное исследование Леонардо Ольшки «История научной литературы на новых языках», опубликованное в 1922–1927 годах в Германии. Первый том — «Geschichte der neusprachlichen wissenschaftlichen Literatur: Die Literatur der Technik und der angewandten Wissenschaften vom Mittelalter bis zur Renaissance». Книга была переведена на русский язык в 30-е гг. прошлого века, полностью переиздана: *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках (М.: УРСС, 2000. В 3-х тт.). В этой глубоко академической работе показано, что новое европейское научное знание есть результат отхода от латыни и что оно стало возможным тогда, когда появилась научная литература на национальных языках, — процесс, истоки которого можно искать еще в догалилеевскую эпоху. Связь языка и гуманитарной науки не так проста и однозначна, как кажется ориентированному на новации взгляду из естественных наук. Науки гуманитарные разноразличны, для них необходимы национальные языки — богословские, литературные, философские, исторические тексты на разных языках. В сохранении и изучении разноразличных традиций, в том числе, состоит добросовестность ученого-гуманитария, ибо результаты исследований возвращаются в собственную культуру, повышая ее уровень и мировое значение и делая ее интересной для межкультурного диалога. И прогнозирование в гуманитаристике типа «конца истории» Фукуямы — эссе, написанное по-английски в 1989 году и тем обеспечившее себе известность, — никак не повлияло на статус мировой исторической науки на разных языках.

Кто может с абсолютной уверенностью сказать, какие в будущем события нас ждут в науке о человеке и культуре? Какие события «потрясут мир»? Не стоит ли направлять авторитет ученых на добросовестную сохранность и развитие языков, а не на отказ от работы на родном языке? Спасибо.

Юдин Б. Г.: Спасибо большое. Юрий Сергеевич Савенко.

Савенко Ю. С.: Проблема добросовестности научных исследований в психиатрии особенно остра в силу сложности предмета исследования — человека с психическими расстройствами. Это не однослойно биологическая, а многослойная медицинская дисциплина, где с наибольшей ясностью необходим антропологический подход, сочетание естественнонаучного и гуманитарного знания, где до сих пор существуют принципиально разные направления. Так, у психиатров-клиницистов есть все основания со скепсисом относиться к тому набору требований, которые предъявляет к диссертационным работам современная доказательная медицина, как недостаточному, адекватному разве что для соматологии.

Основной массив научных работ в психиатрии сосредоточен на проверке новых лекарственных средств по строгой методологической схеме, которая игнорирует конгруэнтность и ценит надежность выше, чем адекватность (валидность). Клинико-психопатологические исследования фактически исчезли. Существовавшая прежде в журнальных статьях практика клинических примеров, по уровню написания которых узнавался автор, лет 30 как прекратилась и заменилась таблицами и гистограммами, а непосредственное общение и клиническая беседа — опросниками. В результате фактической редукции феноменологического метода доверие к первичным данным таких работ у клиницистов подорвано, так как это самая сложная и ответственная, собственно профессиональная процедура, определяющая все последующее.

В этом контексте придание требуемого научного антуража с математической обработкой небрежно и неполно проведенным исследованиям является заведомо распространенной практикой. Это ставит под вопрос результаты множества исследований и подтверждается громкими просчетами ряда психофармакологических исследований, вопреки наиболее строго поставленной там методологии, но

методологии односторонне индуктивистской, пренебрегающей необходимостью перепроверки данных сериями исследований в различных малых выборках с феноменологическим клинико-психопатологическим подходом. Грандиозные возможности фармакофирм, на средства которых осуществляется значительная часть научной деятельности в психиатрии, невольно вызывают тенденциозность при оценке их продукции.

Что касается диссертационных работ, то практика их написания за кого-то существовала всегда, но если еще 30 лет назад это делалось на основе добросовестно собранного первичного материала, то теперь за это поручиться невозможно. Мне хорошо известна современная судебно-психиатрическая экспертная практика. За последние 20 лет уровень недобросовестности принял здесь чудовищные масштабы. Мы постоянно сталкиваемся и публикуем в каждом выпуске Независимого психиатрического журнала примеры заключений судебно-психиатрических экспертиз, проведенных в центральных учреждениях, ошибки которых невозможно назвать ошибками, — они настолько грубы, что обнажают заказной или коррупционный характер. Полная безнаказанность и удушение состязательной (независимой) экспертизы в судебном процессе и сама общественная атмосфера действуют развращающе. Особенно в таких областях, которые тесно соприкасаются со злободневной проблематикой.

Появляются работы, которые вообще не могут претендовать на принадлежность к науке. Наш журнал дает им соответствующую отповедь. Например, в последнем выпуске — книжке социолога Леонида Ионина «Парад меньшинств», которая смело вторгается в сферу психиатрии и представляет ловкую пропагандистскую стряпню, предназначенную, как написано в аннотации, «для интеллигентных людей», которые тут же пинаются в ленинском стиле. В предыдущем выпуске журнала показано, что основной корпус трехтомной «Истории отечественной психиатрии» профессора Александровского составлен из грубо односторонне подобранных приложений, приводящих к дезинформации читателя, и так далее, и тому подобное.

С другой стороны, нам нередко присылают журнальные статьи, неприемлемые по тону, уровню и проблематике, но содержащие порой ценную информацию, своеобразный взгляд на предмет об-

суждения, инициирующие важную дискуссию, дающие основание откликнуться общезначимым комментарием, развенчивающим типовые ошибки и заблуждения. Посредством сокращений, редактирования, редакторских сносок и комментариев удается придать им приемлемый вид, но ценой потери экзотических примет автора, позволяющих читателю понять, с кем имеют дело.

Полезным методом мобилизации самих редакций журналов служат статьи — научные мистификации, то есть фабрикация виртуального (мнимого) исследования. Скандальным примером успешного обмана психиатров была история в конце 90-х годов, когда талантливый целитель Столбун представил четырем профессорам во главе с академиком Морозовым, тогда уже экс-директором Института судебной психиатрии имени Сербского, который он возглавлял 32 года, четырех больных с шизофреническим дефектом и сумел доказать, что вылечил их (конечно, за счет неправильного исходного диагноза). Потрясенные профессора обратились в Минздрав с просьбой профинансировать дальнейшую деятельность Столбуна, а потом договорились до идеи представить его к Нобелевской премии.

Другими крупными фабрикациями были психотронное оружие Акимова, якобы позволявшее посредством торсионных полей манипулировать людьми на расстоянии, подтверждением чего служила общественная организация «Против психотронного оружия», состоявшая из пациентов с синдромом Кандинского—Клерамбо, а также воскрешение умерших Грабовым и фильтры воды Петрика—Грызлова, одобренные тремя академиками РАН.

Необходимо исследование и публикация этих историй. Здесь у всех на виду деятельность Комиссии по лженауке РАН и отношение к ней властей.

На нашем профессиональном поле плагиат не самое большое зло. В конце концов, кавычками, пересказом, переформулировками и даже оспариванием можно придать плагиату как краже интеллектуальной собственности невинный вид. Главное зло — некорректный сбор первичных данных, подмена непосредственного общения с больным опросниками, подмена знакомства с первоисточниками обзорами и подгонка данных под исходную идею.

Поэтому профилактикой недобросовестности в науке стало бы внедрение приемов фальсифицируемости собственных исследований с указанием слабых мест разного рода; подчеркивание равной ценности отрицательных результатов исследования, а особенно (как одна из фундаментальных причин распространения практики недобросовестных научных исследований) сами критерии оценки научно-труда чиновниками от науки — по числу публикаций и по индексу цитирования. В отечественных условиях это так же катастрофично, как в системе МВД использование в качестве критерия успешной деятельности числа раскрытых преступлений. Поэтому в дополнение к мерам, предложенным Борисом Григорьевичем, следует довести до сведения чиновников и решительно опровергнуть их догматическое отношение к рейтингу авторов, журналов и институтов по индексу цитирования как истине в последней инстанции, который в наших современных условиях во многих дисциплинах не работает. Необходимо опираться на экспертные оценки и на репутацию конкретных научных коллективов. Примером нелепости рейтинга журналов по индексу цитирования является «Независимый психиатрический журнал», издаваемый тиражом 300 экземпляров и стоящий по подписке 552 рубля за один выпуск, но читаемый ведущими профессионалами, тогда как, например, журнал «Психиатрия и психофармакотерапия», благодаря поддержке фармакофирм, имеет тираж 15 тысяч экземпляров с бесплатной рассылкой. Можно ли сравнивать без индексации малотиражные элитарные журналы с многотиражными? В наших условиях индекс цитирования — социометрический, а не наукометрический показатель, а наукометрия — лишь вспомогательная часть науковедения. В передовых странах индекс цитирования не принимается в расчет при выделении грантов. Такой подход даже запрещен.

Необходимо обеспечение приоритета существа исследовательской задачи перед сиюминутными требованиями отчетности, то есть оценка труда научных работников не по результатам, тем более количественным, а по процессу всей проделанной работы.

Юдин Б.Г.: Спасибо большое. Следующий Владимир Иванович Аршинов, профессор, Институт философии.

Аршинов В. И.: В последние годы мне пришлось очень много путешествовать по бурному морю интернета с помощью «Гугла». И попадали в центр моего внимания, в частности, диссертации, которые выполнены в разных, в том числе западных, университетах. Я обратил внимание, что все эти работы предваряются чем-то вроде эпиграфа: я, нижеподписавшийся, утверждаю, что все результаты получены мной, и так далее, и так далее. Мне кажется, что если бы внедрить эту практику, она каким-то образом тоже дисциплинировала. Диссертации вывешиваются за подписью автора и его кураторов. Мне кажется, что эту практику можно было бы внедрить и у нас. Подписавший и вывесивший свою подпись должен еще раз будет подумать, оценить свою работу с точки зрения добросовестности. Не знаю, есть ли общие формулировки, но, скорее всего, каждый университет имеет свою форму. (См., например, форму, принятую в Университете Сент-Эндрюс, Великобритания. — *Прим. ред.*)

Юдин Б. Г.: А теперь мы предоставляем слово Маргарите Пилюгиной. Она у нас представляет кафедру истории и философии науки, которая, можно сказать, на переднем крае науки ведет борьбу с плагиатом.

Пилюгина М. А.: Хотелось бы начать с того, что проверка на плагиат рефератов, представляемых для сдачи кандидатского экзамена, была введена на кафедре истории и философии науки Института философии в 2011 году по личной инициативе некоторых преподавателей. Когда встал вопрос о самостоятельности при выполнении текста, сам рецензент, профессор кафедры, проверил реферат, нашел его в базе, и мы начали это отслеживать. В осеннюю сессию проверяли рефераты выборочно — те, которые вызывали сомнения рецензентов, а в летнюю сессию при сдаче рефератов необходимым требованием стало представление версии на CD, и была введена обязательная проверка. Изначально все было очень плачевно в некоторых моментах, и мы ввели минимальный процент обязательной уникальности текста. Первоначально это было 50%, на данный момент он увеличен до 75%. Это сделано с тем, чтобы иметь погрешность в 5–7% для того, чтобы рецензент, при условии качественного содержания (в спорной ситуации, исходя из отчета по плагиату, в котором указаны источники и процентное соотношение заимствований),

имел возможность допустить автора текста к экзамену условно с дополнительной беседой на тему реферата непосредственно на экзамене. По личному опыту общения с аспирантами и соискателями, сдающими документы для экзамена на нашей кафедре, у меня сложилось ощущение, что весь вопрос о добросовестности при выполнении такого рода работы зависит от заинтересованности и ответственности ее автора. Поэтому какую-то конкретную статистическую динамику тут представить сложно. Например, есть люди, которые занимаются в группах по подготовке к кандидатскому экзамену на кафедре. Они имеют возможность работать сами, консультироваться не только со своим научным руководителем у себя в институте, но и с руководителем семинаров. И при этом могут предоставить недобросовестно сделанные рефераты, когда процент плагиата может составлять более 50%. Или люди элементарно не в состоянии принести реферат в должном виде, в каком он должен быть оформлен, что уже вызывает некоторые дополнительные вопросы. Кроме того, с весны 2014 года соискатели ученой степени кандидата наук и кафедра истории и философии науки столкнулись с ситуацией, вызванной изменениями в требованиях к сданным кандидатским экзаменам, необходимым при выходе на защиту. Так, кандидатский экзамен по философии, который был заменен на минимум по истории и философии науки, стал недействительным для выхода на защиту. И приходят люди, которые сдавали экзамен до 2005–2006 годов, и им необходимо пересдать экзамен, теперь уже по истории и философии науки. Приносят они рефераты опять же очень разного качества. Проверка рефератов на кафедре осуществляется в несколько этапов: сначала это проверка на плагиат — автоматическая, компьютерная; соответственно, формируется отчет. Если возникают какие-то проблемы, прикладывается этот отчет, в нем указываются наиболее обильно использованные источники заимствований, и все рефераты обязательно проходят еще содержательную проверку. И рецензент — преподаватель кафедры имеет право написать, допустим: «Допуск условно, с дополнительными вопросами на экзамене». Бывают и такие ситуации, когда реферат проходит проверку на плагиат, а рецензент от кафедры пишет отрицательный отзыв, потому что тема не соответствует содержанию, или слабо выражена авторская позиция, или слабая содержа-

тельная часть реферата в принципе. Но при этом, как ни абсурдно, практически у всех рефератов, которые сдаются на кафедру, отличные отзывы научных руководителей. Например, в эту сессию мы столкнулись с ситуацией — это был первый такой случай за четыре года, — когда при необходимости пересдать экзамен был сдан реферат, который состоял полностью, на 100%, из заимствований, ничего не добавлено — ни одного слова, ни запятой, ни точки, ничего. Единственно, стоит отдать должное автору, она отрицать этого не стала, сказала, что у нее было очень мало времени на подготовку, поэтому она решила просто реферат скачать. Но при этом отзыв научного руководителя на него был положительный.

Юдин Б. Г.: Он не проверял.

Пилюгина М. А.: Ну да. То есть тут вопрос и ответственности личной у аспирантов, и у научных руководителей. Была в том году девушка, которую не допустили на экзамен по причине плохого реферата и недостаточной работы в группе. Нам на кафедру позволила ее научный руководитель и сказала: «Почему вы не допустили мою девочку, она же такая хорошая». При этом объяснять, что у человека плохой реферат, было очень сложно, потому что научный руководитель уверяла, что использовались их совместные статьи. Мы говорим: «Пожалуйста, принесите статьи и разговаривайте с человеком, который у нас на кафедре является специалистом в вашей области». Это они делать уже отказались, соответственно, тоже возникает дополнительный вопрос. Ну, вот, собственно, ситуация такая, но после того, как мы на сайте кафедры специально написали объявления, что рефераты обязательно проходят проверку содержательную, на антиплагиат, и, соответственно, допуск получается при условии положительной итоговой рецензии, ситуация стала налаживаться. По крайней мере, люди пытаются хотя бы подогнать под минимальный процент того, что может быть допущено, для экзамена.

Юдин Б. Г.: А какой минимальный процент?

Пилюгина М. А.: 75% уникального текста.

Юдин Б. Г.: А 25% плагиата вы как определяете, допустим, если заковычанная цитата?

Пилюгина М. А.: Закавыченные цитаты, правильно оформленные, со всеми сносками и выходными данными, не определяются как плагиат.

Юдин Б. Г.: Значит, плагиат, это то, что действительно плагиат.

Пилюгина М. А.: Да, где-то просто неправильно оформленные цитаты. В прошлом году молодой человек, биолог, принес текст, а у него выскочило 45% из Википедии. На что я ему очень категорично сказала, что Википедия это, во-первых, не научный источник, а во-вторых, очень большой процент заимствований. Он сказал, что эту статью писал он, зашел при мне в личный кабинет, показал, что это его авторский текст; на следующий раз поговорил с руководителем семинара, оформил правильно цитаты, все заимствования, и вышло все хорошо.

Вопрос из зала: Каково примерное количество плагиатчиков?

Пилюгина М. А.: По-разному. В прошедшую осеннюю сессию, допустим, если на дату записывается 20 человек на экзамен, было от 2 до 7 недопусков на дату, но это, конечно, все по-разному получается.

Юдин Б. Г.: А у вас есть какая-то статистика по дисциплинам? Где больше, где меньше.

Пилюгина М. А.: Это зависит от каких-то личных качеств авторов, но в принципе, из того, что можно составить примерную картину, гуманитарии дают все-таки чуть больший уровень плагиата. Сейчас, в связи с реформой в академии и образованием ФАНО, присоединились медики и Сельхозакадемия. Они в нашу структуру раньше не входили, не в курсе всех наших событий и требований, они приносят рефераты пока еще хуже.

Вопрос из зала: Скажите, пожалуйста, а сколько студент или аспирант должен тратить времени на подготовку реферата по истории философии и науки?

Пилюгина М. А.: Если они поступают осенью в аспирантуру, кандидатский экзамен в лучшем случае они сдают весной. То есть, в принципе, у них есть учебный год на то, чтобы подготовить работу.

Вопрос из зала: По учебному плану сколько часов на это отводится?

Пилюгина М. А.: 32 часа на самостоятельную работу по программе.

Киселева М. С.: Можно я чуть содержательнее скажу по этому вопросу? С самого начала идея написания этих рефератов предполагала, что они абсолютно теснейшим образом должны быть связаны с темой и проблемами исследований самих аспирантов. Разъяснение для аспирантов состоит в следующем: «Вы должны писать то, что вам с необходимостью придется в вашей работе. Возможно даже, какая-то часть реферата, над которым Вы работаете, войдет в текст диссертации, например по вопросу «степень разработанности исследуемой проблемы».

Вопрос из зала: Но если по сельскохозяйственным наукам?

Киселева М. С.: И по сельскохозяйственным наукам ровно так же.

Буданов В. Г.: Это освоение материала, который пригодится для написания введения или, может быть, даже войдет в корпус самой будущей диссертации. Предмет, который сдают аспиранты, называется «история и философия науки». И в каждой предметной и проблемной областях есть своя история исследований, так или иначе связанная с той или иной парадигмой научного знания, в которой начинает работать аспирант. Отдавать себе в этом отчет, понимать степень разработанности вопроса, над которым работает аспирант, и шире, того направления, к которому относится его вопрос, — важнейшая задача, на всех этапах научного исследования. Это то, что в философии называется «методологической рефлексией» и что составляет важный раздел философии науки. Например, в грантовых заявках в западных фондах обычно есть позиция, где требуется объяснить не только для специалистов, но и для неспециалистов степень разработанности проблем, предлагаемых в проекте, по которому пишется заявка. Реферат в какой-то степени решение подобной задачи.

Вопрос из зала: По философии?

Киселева М. С.: Нет, по истории и философии своей науки.

Тирас Х. П.: Каков процент истинного плагиата и ошибок, о которых говорил Борис Григорьевич?

Пилюгина М. А.: Если честно, тут я затрудняюсь ответить. Проверку на плагиат осуществляют сотрудники учебного отдела кафедры, и нет возможности разбираться с каждым из аспирантов, почему возник такой процент плагиата. Обычно ответ у авторов рефератов один: где-то что-то недосмотрели.

Тирас Х. П.: Техническая ошибка, да?

Пилюгина М. А.: Ошибка всегда возможна. Но когда 30% текста идет просто из базы рефератов, тогда нельзя говорить о технической ошибке. Я понимаю, что можно, например, при цитировании не поставить кавычки или неправильно где-то указать выходные данные, но взять текст из базы рефератов — это уже обман.

Юдин Б. Г.: Спасибо. Абдусалам Абдулкеримович, вы выступите? Академик Гусейнов, Институт философии.

Гусейнов А. А.: В обсуждаемой проблеме я вижу два аспекта. Первый касается непосредственных проявлений недобросовестности в науке и средств борьбы с ней. Это то, что является собственным предметом нашей озабоченности, о чем шла речь в подготовленных к сегодняшнему обсуждению тезисах профессора Бориса Григорьевича Юдина и других подготовительных материалах. Не приходится сомневаться, очень важно, а бы даже сказал, первостепенно важно, зафиксировать (описать, определить) формы недобросовестности в науке: плагиат (явный, скрытый), фальсификация, имитация и тому подобное. И конечно, явления эти нас интересуют под углом зрения того, как от них избавиться. Способность выработать адекватные меры противостояния и борьбы с проявлениями недобросовестности в науке можно даже считать индикатором правильного понимания самого феномена. Ведь недобросовестное поведение в науке не отделено от добросовестного резкой гранью, и оно не всегда имеет форму явных проступков или преступлений. Следовательно, и борьба с недобросовестностью должна быть прямо связана с формированием научного этоса и стать составной частью воспитания профессионального самосознания отдельных ученых и всего национального научного сообщества. Тут надо начинать, как уже справедливо подчеркивалось, с самого элементарного разъяснения студентам, что такое плагиат, культура цитирования и тому подобное. У меня, например, был случай, когда студентка второго курса принесла курсовую работу, от начала до конца списанную из одной моей брошюры. Я удивился и спросил, что все это означает. Она сразу даже не поняла вопрос. А потом сама удивилась и сказала, что она все прочитала по теме и нашла, что лучше всего это изложено в той работе, из которой она все и переписала. Побеседовав с ней, я уста-

новил, что она действительно знает основные относящиеся к делу источники, вполне освоила материал, который списала. И на мой повторный вопрос, почему же она все-таки так сделала, она опять искренне удивилась: «А почему нельзя этого делать?» Ей просто-напросто никто не говорил ни о плагиате, ни о статусе научной работы. И после этого мы завели на кафедре порядок, что, как только к нам приходят специализирующиеся студенты, мы проводим с ними развернутую беседу, в которой объясняем, как писать курсовую работу, что значит плагиат, как цитировать. С этого, с элементарного разъяснения, что такое хорошо и что такое плохо в науке, надо начинать. А итог, своего рода сверхзадача всей этой работы по искоренению недобросовестности в науке — это изменение общественного настроения по отношению к недобросовестному поведению в науке, что, конечно, является делом необычайно трудным и длительным. Даже из того обзора, который мы только что послушали, видно, что у людей нет убеждения, что плагиат это плохо. Прошу обратить внимание: речь идет не о людях с улицы, а об аспирантах академических институтов, и не о каких-то тонкостях, а о плагиате, самом прямом, очевидном и грубом, а бы сказал, просто криминальном проявлении недобросовестного поведения в науке. К сожалению, это касается не только аспирантов, которые в этом отношении продолжают психологию студентов, но и к нашей академической среде, имея в виду практикуемые в ней формальные и неформальные ценностные стандарты. К примеру, какие-то факты очевидного плагиата в последнее время установлены, люди лишены степеней. Ну и что? Эти люди, много ли они потеряли в своем статусе? Они лишились должностей, права преподавать? Сильно ли изменилось их положение в профессиональном сообществе? Стали ли они не то что изгоями, а хотя бы неудобно себя чувствовать в нашей среде? Ничуть не бывало. Продолжают работать, общаться, если и понесли какой-то ущерб, то он неадекватный, мне кажется, самому такому проступку.

Юдин Б. Г.: Даже сочувствие вызывают.

Гусейнов А. А.: В каком-то смысле даже сочувствие вызывают в качестве жертв. В этой связи показательно отношение к «Диссертету». Делают люди конкретную важную работу по выявлению плагиата в диссертациях, обнаружилось, что это широко распростра-

ненное, почти массовое явление, что дело это поставлено на поток. Совсем нельзя сказать, что их деятельность, и сами люди, которые эту деятельность осуществляют, получают всегда именно положительную оценку. У них нет поддержки со стороны чиновников от науки и очень слабая — со стороны общественности. Этот пример говорит о некоем глубоком дефекте в наших представлениях о научной добросовестности. На меня в свое время очень сильное впечатление произвел один эпизод, который я вычитал в романе — видимо, многие знают — «Дело Локвудов». Это американский роман, там есть эпизод, когда Локвуд, младший Локвуд, который потом очень богатым человеком стал, потому что приобрел нефтеносную скважину, провернув дерзкую аферу, в университете попался на списывании во время экзамена и был исключен с волчьим билетом, без права больше где-либо получать высшее образование. И это стало позором семьи. А для меня стало это шоком, ибо я сопоставил это с нашими школьными и студенческими обычаями, где списывание, шпаргалки («шпоры») — вполне обычное дело. Вспоминается еще одна новелла Конан Дойла, где целая криминальная история развивается вокруг сюжета, криминальность которого заключалась в том, что абитуриентам университета за день до экзамена стало известно задание. И вот сопоставьте теперь это с тем, что у нас происходит вокруг ЕГЭ.

Словом, приступая к работе под девизом «за добросовестную науку», желая придать ей целенаправленный и организованный характер, следует иметь в виду, я бы сказал, размытый характер самих бытующих в нашей образовательной и научной среде представлений о добросовестности в этой сфере. В частности, чтобы выправить ситуацию, на мой взгляд, следовало бы ввести во всех высших учебных заведениях обязательный вводный курс по этике науки, в научных и университетских сообществах уделять постоянное (не большое, а именно постоянное) внимание всей проблематике, связанной с добросовестным поведением в науке и интеллектуальной деятельности в целом. Это первый аспект, на котором я хотел остановиться, — аспект, в рамках которого недобросовестные проявления в науке рассматриваются в качестве индивидуальных недостатков, достойных осуждения и наказания индивидуальных проступков отдельных индивидов и коллективов. Но есть еще другой аспект, который

особенно важен для философов, в рамках которого они, проявления недобросовестности в науке, рассматриваются уже как объективно обусловленные общественные явления; не просто как недостатки, а как недостатки, являющиеся продолжением достоинств. Речь идет не об общих причинах деструктивного поведения, коренящихся в человеческой психологии, или общесоциологических законах, а о более конкретных факторах, связанных с состоянием и развитием самой науки.

Вопрос я бы сформулировал так: существуют ли такие факторы (особенности) развития и современного состояния науки, которые все-таки питают, обуславливают недобросовестное поведение в науке и в результате которых его нельзя списать на счет каких-то личных мотивов, индивидуальной недобросовестности и так далее. Хотя, конечно, непосредственно оно, недобросовестное поведение, всегда имеет такую форму, но, тем не менее, существуют и какие-то объективные (а следовательно, и объясняющие, оправдывающие) причины. Мне лично кажется, можно назвать по крайней мере две такие причины.

Одна состоит в том, что наука стала массовым производством, она втягивает в свою орбиту большое количество людей, и уже само существование этой сферы подчиняется, конечно, не индивидуальным законам морального поведения, а социологическим законам массовых действий. Научная деятельность становится общественным производством и в этом качестве оказывается в значительной мере формой отчужденного труда. Непосредственное выражение этого заключается, в частности, в том, что в ее рамках большой процент занимает рутинный труд, требующий, конечно, определенных знаний и навыков, но лишенный творческого начала, — труд, который стимулируется не захватывающим содержанием самого труда, а дополняющими его внешними благами (прежде всего денежным вознаграждением). Помню, когда я из университета перешел в научно-исследовательский институт, первое, что меня поразило, было наличие людей (правда, в процентном отношении не очень большое), которых то, чем они занимаются, в серьезном человеческом смысле вообще не интересует. Но они при этом обязаны писать статьи, книги, потому что это является их производственной обязан-

ностью. И вот когда человек оказывается в такой ситуации, ситуации совершенно противоположной, то возникают не просто искушения и соблазны недобросовестных действий, такие действия оказываются неизбежными. Не знаю, как в этом отношении обстоят дела в естественнонаучных и технических областях знаний, хотя говорят, что и там существуют проблемы с определением авторства трудов и изобретений. В гуманитарной сфере плохо решен и вообще с трудом решается вопрос о разграничении вспомогательной и собственно творческой авторской работы.

И вторая причина, о которой уже говорили, состоит в стремлении взять научную деятельность под внешний бюрократический контроль через какие-то формальные, легко проверяемые количественные показатели и критерии. С одной стороны, без них нельзя, но, с другой стороны, наличие самих этих показателей и критериев, поскольку они внешние, формальные и в общем-то чужеродные по отношению к содержанию, к существу самой работы, толкают к разного рода халтурным, имитационным формам деятельности. Вот типичный пример, с которым мы живем: ВАК принял решение, что для защиты докторских диссертаций 15 статей надо опубликовать в определенных ваковских журналах. Почему 15? Я не хочу сказать, что это решение является вздорным. Оно по-своему разумно. И родилось не от хорошей жизни. Однако само наличие этого, пусть вполне понятного и обоснованного, требования толкает людей, решивших получить ученую степень доктора наук, на самоцитирование, дробление статей, чтобы увеличить их число, на публикацию одной и той же статьи в разных вариантах и под разными названиями и тому подобные хитрости. Формализованно-количественный подход к оценке научного труда у нас связывают с деятельностью нынешнего министра образования и науки. На самом деле это общая тенденция. Она была и в советские годы. И в западных странах наблюдается то же самое. «Заслуга» нашего министерства только в том, что оно абсолютизировало этот количественный критерий и придало ему жестко бюрократическую форму. Давайте задумаемся над таким фактом. Наши ученые, как правило, в своих научных биографиях и автобиографиях указывают количество научных работ (некоторые более скромно: публикаций). Считается, что чем больше работ,

тем лучше, тем значительней ученый. Вот и пишут: автор более 200 работ, около 500 работ. У многих моих коллег их число перевалило за 1000. Есть еще более рекордные случаи. У самого рядового профессора число работ под рубрикой «научные» больше, чем их было у Канта, да и у многих современных выдающихся философов. При этом они (это уже не только критика, но и самокритика) не помнят всех своих работ, не могут сказать, где какая была опубликована. Разве это нормально? Это почти то же самое, как если бы отец не помнил имена своих детей и внуков.

Что же делать? Поскольку научная деятельность приобрела форму общественного производства, в которое вовлечено большое количество людей и которое требует больших расходов, то без количественных критериев не обойтись. Основное направление усилий, направленных на то, чтобы количество не убило качество, состоит в максимально возможной дебиюкратизации данного процесса. Управление наукой надо делегировать научному сообществу. Это настолько важное дело и настолько тесно оно связано с предметом нашего сегодняшнего обсуждения, что можно утверждать: борьба за дебиюкратизацию управления наукой является одним из важнейших направлений борьбы за добросовестность в науке. Наука должна быть в руках тех, кто этим занимается. И если нет доверия к людям, которые этим занимаются, то ничего здесь не получится. Конечно, это не означает, что если доверить это ученым, то не будет злоупотреблений. Будут, но все-таки, я думаю, принципиально (на порядок) меньше. То есть моя общая мысль такая, что на самом деле изучение и какое-то практическое отношение к тому, что мы называем недобросовестной наукой, очень важно, и это нужно связать с общим пониманием места науки в обществе, тем, как наука вписана в нашу жизнь, как она организована, управляется и так далее. То есть это вопрос не только сугубо этический, хотя, конечно, этот аспект очень важен, но это еще и вопрос развития и состояния самой науки как определенной отрасли общественного производства. Такое заключение, среди прочего, еще означает, что и борьбу за добросовестную науку нельзя сводить к созданию какой-то комиссии или какого-то ограниченного набора действий. Они нужны, но недостаточны.

Юдин Б. Г.: Спасибо.

Буданов В. Г.: Тогда понятно, почему 15 публикаций: просто есть по данному разделу емкость статей в ваковских журналах. Если вы не хотите, чтобы у вас докторов становилось в год больше, чем естественная их убыль, то возникает равновесное состояние. Поделите на среднее число защит, и вы получите 15.

Горохов В. Г.: Интересно, что в Германии, наоборот, запрещено включать в диссертацию опубликованные работы, вы должны публиковать диссертацию после этого в виде монографии, а если вы опубликовали хоть что-то до этого и вошло в диссертацию, это плохо.

Юдин Б. Г.: Так, хорошо. Павел Дмитриевич Тищенко, Институт философии.

Тищенко П. Д.: Хотел бы отметить, что нам действительно нужно поработать в концептуальном отношении, определить основные понятия — плагиат и другие. Слово может быть общим у нас и в шоу-бизнесе, но содержание абсолютно разным, потому что из того, что есть слово «поле» и в сельхознауках, и в физике, не следует, что определения можно туда-сюда таскать, тем более использовать против кого-то. Хотел бы также отметить, что когда мы говорили об оценках и преподавании, то важно понимать, что существуют разные модели. У нас оценка строится на основе сравнения с некоторым эталонным объемом усвоенных знаний. Поэтому в группе все могут получить одинаковую оценку. В США и в некоторых других странах оценка строится на конкурентной основе. В группе все студенты не могут за экзамен получить пятерки. По итогам сдачи результаты, формирующие оценку, измеряются (например, тестированием, баллами за посещение и участие в обсуждении, написание рефератов и тому подобное). Выстраивается распределение, и 5% лучших получают высший балл, а 5% низших обычно пересдают. Остальные располагаются между. К чему это ведет? Это ведет к тому, что фактически — у меня есть личный опыт преподавания в США — там нет проблемы списывания. Я мог спокойно дать задание на тестирование и пойти в буфет, пить там кофе. Они сами не давали друг другу списывать, потому что они конкурируют, у них оценка относительная, а у нас, наоборот, коллективизм. Все друг другу дают списывать, потому что нет зависимости от конкуренции. Возможно, элемент конкуренции,

введенный в систему оценки результатов, позволит формировать психологию студентов и ученых, негативно относящихся к списыванию, а следовательно, и к плагиату.

Что касается сегодняшнего обсуждения, то хотел бы выделить некоторые основные позиции, по которым практически был консенсус. Во-первых, мы выразили свое полное одобрение тому пониманию, что проблема добросовестности в науке не может решаться чисто административными путями. Огромную роль должны играть общественные движения. В частности, на нашем обсуждении большая часть выступающих выразила поддержку общественному движению «Диссернет», которое действительно не всеми приветствуется, но я думаю, что его поддержка — это наш общий message обществу, и его нужно учитывать. Это общественное движение, форма самоорганизации научного сообщества, которая не ждет, пока руководство примет какие-то решения, а начинает действовать. Собственно говоря, наш круглый стол в определенном отношении внеплановый, просто инициатива, поддержанная сотрудниками и администрацией института, поскольку она выражает потребность защитить науку от плагиата, фабрикаций и фальсификаций, огромная потребность обсудить проблему и начать решать ее. Второй момент, он больше относится к чисто философскому аспекту: это то обстоятельство, что проблема добросовестности — это не просто идеальное требование для чистой науки, работающей в башне из слоновой кости. Это нормативное представление, адресуемое реальному социальному институту, работающему в реальных, весьма непростых социальных обстоятельствах. Здесь много вопросов о том, что сегодня представляет собой наука. Как она устроена, как реально функционирует, каков ее этос. И Владислав Александрович Лекторский, и Илья Теодорович Касавин, и Абдусалам Абдулкаримович Гусейнов, и многие другие так или иначе ставили эту проблему. Думаю, что для нас это тоже определенный message, в том смысле что, может быть, нам еще нужно будет собраться, определиться и каким-то образом скоординировать свои научные планы, найти совместную площадку для кооперации по проблемам одновременно и понимания того, что такое современная наука, и понимания того, каким должен быть этос этой науки.

И следующая проблема, которую все ставили, это проблема преподавания. Есть хорошие примеры самых разных подходов и в США, и в Европе, и в других местах. Есть хороший опыт советских школ, ориентированных на развитие творческого мышления у молодых людей. Не нужно ничего копировать. К сожалению, наши реформаторы и науки, и образования, и здравоохранения только этим и занимаются. Как двоечники, списывают у кого-то и не признаются, у кого. Вероятно, из этого личного опыта и вырастает их терпимость к плагиату и другим проявлениям недобросовестности в науке. Нужно также лицензирование научной деятельности, которое, хотя бы негативно, поощряло добросовестность, ограничивая (путем отъема лицензии) права на научные исследования у тех, кого уличают в плагиате, фальсификации или фабрикации результатов. Не допускать тех, кто не пройдет образовательных курсов. Недобросовестные исследования — это угроза для общества и граждан, угроза для науки, которая из-за этого лишается доверия. Об этом Борис Григорьевич Юдин сказал достаточно.

Мне хотелось бы также поддержать Бориса Григорьевича в том плане, что вопрос о развитии культуры добросовестных научных исследований (не только борьба с плагиатом, хотя это очень важно) должен быть поставлен перед руководством Академии наук, которое, мне кажется, сейчас нуждается в инициативах, которые способствовали бы укреплению доверия общества к науке или, по крайней мере, смягчили бы недоверие. Наука должна сама поставить для себя, мне кажется, этический стандарт, сама создать и сама, не дожидаясь каких-то решений в Думе, начать их реализацию. В том числе, конечно, и в содружестве с нашими фондами, которые, конечно, очень бедны, но все-таки они могут работать с тем, чтобы поднять качество научных исследований. Это направление принципиально важное — работать с Академией над созданием общеакадемического стандарта обеспечения добросовестности в науке.

У нас также была мысль о том, чтобы по результатам этого совещания подготовить заявление. Но поскольку у нас динамичная среда общения — люди приходили, уходили и так далее, — то заявлять от имени всех было бы некорректно. Вероятно, такое заявление можно подготовить, обсудить по почте и открыть к подписанию, используя

в том числе сетевые ресурсы. Механизм для этого есть. Можно обратиться к более широкой аудитории. Этот компактный документ, выражающий нашу озабоченность и обращенный к научному сообществу с призывом заняться проблемами добросовестности в науке, мог бы быть опубликован в наших гуманитарных и естественнонаучных журналах.

Юдин Б. Г.: Спасибо.

Буданов В. Г.: Можно, просто пока не ушла мысль? У бюрократов, в хорошем смысле этого слова, как правило, есть свои критерии оценок. Можно ввести рейтинги добросовестности, использовать их при аттестации и при драматических ситуациях с сокращением людей. Очень похоже на историю в КПСС — ну, здесь явно нужна осторожность.

Юдин Б. Г.: В июне будет Всемирная конференция по добросовестности в исследованиях. Ее проблема — как вознаграждать за добросовестное поведение в науке.

Буданов В. Г.: Проще наказывать.

Юдин Б. Г.: Нет-нет, наказывать — это раньше обсуждали, а ты как раз рассказываешь про то, как награждать.

Тирас Х. П.: По поводу как это называть, мне кажется, надо взять просто прямую кальку с английского языка — «вистлер». Назвать так человека, который «стучит», ну, в хорошем смысле слова. Надо дать, так сказать, новое название.

Тищенко П. Д.: Нет-нет, здесь было предложение, мне кажется, более интересное, оно тем более связано с этим нашим движением «Научный дозор».

Тирас Х. П.: Дозорный, что ли?

Тищенко П. Д.: А почему нет? Дозорный, он и есть.

Гельфанд М. С.: Хорошо бы иметь официальное определение научного плагиата.

Тищенко П. Д.: Да, я с этого начал, мы должны сами его проработать, обсудить и согласованно использовать.

Гельфанд М. С.: Надо иметь официальное определение плагиата, ну вы знаете, это надо рабочее все же иметь, потому что оно все равно будет в ходу, оно сейчас, так сказать, вылупляется по ходу того, как «Диссернет» работает.

Тищенко П. Д.: Может быть, использовать уточнение, говоря о том, что где-то обнаружен плагиат, который мы определяем так-то, согласно определению какой-нибудь международной научной организации. У нас есть такие определения, да, Борис Григорьевич?

Юдин Б. Г.: Конечно.

Тищенко П. Д.: Мы можем просто ссылаться на международные нормативные документы. Но это, в принципе, надо обсудить, тем более что понятие не само собой разумеющееся, в разных науках оно может иметь особые толкования.

Юдин Б. Г.: Вообще, это одно из направлений, чем надо заниматься.

Приложение 1

**Заявление соискателя на степень доктора философии (PhD)
Университета Сент-Эндрюс (Великобритания)**

1. Заявление кандидата

Я, [Имя, Фамилия], настоящим подтверждаю, что данная диссертация, объем которой составляет приблизительно [количество] слов, написана мной, в ней отражена проведенная мной или главным образом мной работа в сотрудничестве с другими указанными лицами, а также что данная диссертация никогда ранее не представлялась к получению ученой степени магистра или доктора.

В [дата] я был зачислен в качестве студента-исследователя, в [дата] — в качестве кандидата на степень PhD по [дисциплина]; отраженное в данной диссертации и проведенное для получения степени исследование было выполнено мной в Университете Сент-Эндрюс в период [дата начала — дата окончания работы].

В случае если в написании Вам помогал кто-либо кроме Вашего научного руководителя

Я, [Имя, Фамилия], при написании данной диссертации получил помощь в [языке, грамматике, правописании, синтаксисе] от [Имя, Фамилия оказавшего помощь].

Дата

Подпись кандидата

2. Заявление научного руководителя

Настоящим подтверждаю, что кандидат выполнил требования Резолюции и Правил, соответствующие степени PhD Университета Сент-Эндрюс, а также что кандидат обладает достаточной квалификацией для представления данной диссертации к получению этой степени.

Дата

Подпись научного руководителя

3. Разрешение на публикацию: [должно быть подписано кандидатом и научным руководителем]

Представляя данную диссертацию Университету Сент-Эндрюс, я осознаю, что я даю разрешение на то, чтобы сделать диссертацию доступной для использования в соответствии с действующими в настоящий момент правилами библиотеки университета, при условии, что авторские права на данную работу тем самым не затрагиваются. Я осознаю также, что название и аннотация будут опубликованы, что работа может быть скопирована и копия предоставлена любому добросовестно действующему работнику библиотеки или исследователю, что моя диссертация может быть доступна в электронном виде для использования в личных или исследовательских целях за исключением обозначенных ниже случаев эмбарго, а также что библиотека обладает правом перевести мою диссертацию в новые электронные формы, необходимые для обеспечения непрерывного доступа к диссертации. Я получил от владельцев авторских прав все разрешения, которые требуются для того, чтобы обеспечить возможность такого доступа и перевода в новые формы, либо же сделал запрос на соответствующее эмбарго [см. ниже].

Ниже приводятся условия согласия кандидата и научного руководителя на публикацию данной диссертации.

ПЕЧАТНАЯ ВЕРСИЯ

- а) эмбарго на печатную версию отсутствует;
- б) действует эмбарго на печатную версию или ее часть в течение [количество] лет [не более пяти лет] по следующим причинам:
 - публикация нанесет коммерческий вред исследователю, научному руководителю или университету;
 - публикация исключит возможность публикации в дальнейшем;
 - публикация будет нарушением законов или этических правил;
 - в) действует перманентное или более длительное эмбарго на печатную версию или ее часть в течение [количество] лет [запрос на эмбарго будет направлен проректору, разрешение выдается только в исключительных случаях].

82

Обоснование в случае, если запрашивается эмбарго на печатную версию на период более 2 лет: [текст обоснования]

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ

- а) эмбарго на электронную версию отсутствует;
- б) действует эмбарго на электронную версию или ее часть в течение [количество] лет [не более пяти лет] по следующим причинам:
 - публикация нанесет коммерческий вред исследователю, научному руководителю или университету;
 - публикация исключит возможность публикации в дальнейшем;
 - публикация будет нарушением законов или этических правил;
 - в) действует перманентное или более длительное эмбарго на электронную версию или ее часть в течение [количество] лет [запрос на эмбарго будет направлен проректору, разрешение выдается только в исключительных случаях].

Обоснование в случае, если запрашивается эмбарго на электронную версию на период более 2 лет: [текст обоснования]

ЭМБАРГО НА АННОТАЦИЮ И ЗАГЛАВИЕ

В случае предоставления эмбарго на электронный и печатный формат оно автоматически будет распространяться на полный текст диссертации. Это эмбарго будет включать в себя аннотацию и заглавие, за исключением того, что название будет указано в буклете выпускников.

Если Вы выбрали эмбарго, но хотите опубликовать аннотацию и/или заглавие, укажите это ниже. Если Вы оставите следующий блок незаполненным, заглавие и аннотация подпадут под эмбарго вместе с текстом диссертации.

- а) Я согласен(-на) на опубликование заглавия и аннотации да/нет
- б) Я запрашиваю эмбарго на аннотацию да/нет

83

в) Я запрашиваю эмбарго на заглавие
да/нет

Дата _____ Подпись кандидата _____
Подпись научного руководителя _____

Обратите, пожалуйста, внимание, что исходно эмбарго могут быть запрошены только на срок не более пяти лет. Для диссертаций, представленных на естественнонаучные и медицинские факультеты, эмбарго исходно редко выдается более чем на два года, если нет специального обоснования. Библиотека не снимает эмбарго до того, как согласует со студентом и научным руководителем, что они не собираются запрашивать продолжения эмбарго. В отсутствие согласованного ответа как от студента, так и от научного руководителя решение будет принимать декан. Обратите, пожалуйста, внимание: предполагается, что общий период эмбарго, включая все продления, не будет превышать десяти лет.

В случае если эмбарго подлежит только часть диссертации, укажите, пожалуйста, какая именно часть и по какой причине.

Пер. Г. Б. Юдина

СИНГАПУРСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О ДОБРОСОВЕЩНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Преамбула. Ценность и польза исследований целиком зависят от того, насколько добросовестно они выполняются. И хотя различия в организации и проведении исследований, определяемые национальным и дисциплинарным контекстом, вполне возможны и встречаются на практике, некоторые принципы и профессиональные обязательства имеют фундаментальное значение для добросовестности в исследованиях, где бы те ни проводились.

ПРИНЦИПЫ

Честность во всем, что связано с исследованием.

Открытость хода и результатов исследования **для внешнего контроля.**

Соблюдение норм профессиональной этики и уважительное отношение к коллегам.

Квалифицированное проведение исследования в интересах всех тех, кого оно может затрагивать.

ОБЯЗАННОСТИ

Добросовестность: Исследователи несут ответственность за достоверность своих исследований.

Строгое следование нормативным документам: Исследователи обязаны быть в курсе нормативных документов и стандартов, регулирующих проведение исследований, и строго следовать им.

Методы исследования: Исследователи обязаны использовать надлежащие методы, основываться в своих выводах на критическом анализе полученных данных и обеспечивать полноту и объективность в изложении и интерпретации результатов проведенных исследований.

Документирование исследования: Исследователи обязаны вести четкую и точную документацию всего хода исследования таким образом, чтобы обеспечить возможность верификации и воспроизведения их работы другими исследователями.

Полученные результаты: Исследователи обязаны открыто и оперативно информировать коллег о полученных данных и результатах сразу после того, как они смогут установить свой приоритет и обосновать права собственности.

Авторство: Исследователи обязаны ответственно относиться к своему участию во всех публикациях, заявках на получение финансирования, отчетах и других материалах, в которых отражены их исследования. В списки авторов должны быть включены все те и только те, кто соответствует принятым критериям авторства.

Выражение благодарности: Исследователи в публикациях обязаны указывать имена и роль всех тех, кто оказал важное содействие в проведении исследований, но не соответствует принятым критериям авторства, включая тех, кто готовил текст, спонсоров, источники финансирования и тому подобное.

Экспертная оценка работы коллег: Исследователи обязаны представлять честные, оперативные и тщательно обоснованные оценки работы коллег, соблюдая при этом конфиденциальность.

Конфликт интересов: В своих исследовательских заявках, публикациях и выступлениях перед общественностью, а также при проведении любых экспертиз исследователи обязаны сообщать об имеющихся конфликтах интересов финансового или иного характера, способных повлиять на достоверность их результатов и оценок.

Выступления перед общественностью: Выступая в публичных дискуссиях о применении и значимости исследовательских результатов, исследователи в своих профессиональных суждениях не должны преступать границы сферы их признанной профессиональной компетентности и обязаны четко отделять свои профессиональные суждения от частных мнений.

Сообщение о безответственности при проведении исследований: Исследователи обязаны сообщать соответствующим уполномоченным органам обо всех предполагаемых случаях неприемлемого поведения исследователей, включая фабрикацию и фальсификацию данных, плагиат, и о безответственных действиях, подрывающих достоверность исследований, таких как халатность, необоснованно составленный список авторов, сокрытие противоречащих данных или использование вводящих в заблуждение аналитических методов.

Реагирование на безответственное проведение исследований:

Научные учреждения, журналы, профессиональные ассоциации и другие учреждения, связанные с проведением исследований, обязаны разработать специальные процедуры для реагирования на обвинения в неприемлемом поведении и других безответственных действиях, а также для защиты тех, кто добросовестно и из лучших побуждений сообщает о подобных действиях. Если факты неприемлемого или безответственного поведения подтверждаются, должны оперативно приниматься надлежащие меры, включая внесение необходимых изменений в документацию исследования.

Условия проведения исследований: Исследовательские учреждения обязаны формировать и поддерживать условия, способствующие добросовестному проведению исследований, с помощью образования, четкой политики и обоснованных стандартов профессионального продвижения, содействуя созданию благоприятной обстановки для добросовестного проведения исследований.

Соображения общесоциального характера: Исследователи и исследовательские учреждения должны сознавать свое моральное обязательство, состоящее в необходимости сопоставлять возможную пользу для общества с неотъемлемо присущими их работе рисками.

Сингапурское заявление о добросовестности в исследованиях было разработано в ходе Второй Всемирной конференции по добросовестности в исследованиях (Сингапур, 21–24 июля 2010) в качестве глобального руководства для ответственного проведения исследований. Оно не является распорядительным документом и не представляет официальную позицию стран и организаций, которые финансировали конференцию и/или участвовали в ней. Относительно официальных позиций, правил и норм, касающихся добросовестности в исследованиях, следует обращаться в соответствующие национальные органы и организации.

Текст заявления доступен по адресу: www.singaporestatement.org.

**О добросовестности
в научных исследованиях**

Материалы круглого стола 31 марта 2015 г.

Под редакцией Е. Г. Гребеншиковой, П. Д. Тищенко
Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой

Подписано в печать 20.02.2018. Формат 60×84/16.
Тираж 100 экз. Печ. л. 5,5. Заказ № 22.

Издательство «Социум»
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5